

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.П. Деревянко, Е.П. Рыбин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: rybin@archaeology.nsc.ru*

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА НА ГОРНОМ АЛТАЕ*

Посвящается светлой памяти Валерия Трофимовича Петрина, исследовавшего стоянку Кара-Бом на протяжении многих лет.

Введение

Результаты научных исследований, проводившихся два последних десятилетия на Российском Алтае, позволяют считать этот регион одним из ареалов культуры верхнего палеолита. На хорошо стратифицированных многослойных стоянках как пещерных, так и открытого типа обнаружены каменные артефакты времени перехода от среднего к верхнему палеолиту и ранней поры верхнего палеолита. В основных чертах были реконструированы направленность эволюции материальной культуры и палеогеографические условия первой половины каргинского интерстадиала (ок. 50 – 30 тыс. л.н., стадия 3 кислородно-изотопной шкалы) [Деревянко, 2001; Derevianko et al., 2001; The Paleolithic..., 1998; Археология, геология..., 1998; Маркин, 1996; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Агаджанян, 2001]**. Вместе с тем пока далеко неполно раскрыты проблемы связи изменений в материальной культуре с перестройкой в сфере систем жизнеобеспечения, поведенческих стратегий, социальной и духовной жизни человека. Данные, полученные при изу-

чении периода становления верхнего палеолита в Африке, Европе и на Ближнем Востоке, свидетельствуют о том, что изменения в духовной и социальной жизни человека были не менее, а, скорее, более глубокими, чем в развитии каменной технологии. Вероятно, подобное было характерно и для Алтая; здесь в начальную пору верхнего палеолита по сравнению с предшествующим этапом увеличилось количество стоянок, более интенсивно использовалась их жилая площадь, осваивались новые территории, люди стали делать из камня и кости не утилитарные предметы – украшения. Именно эти артефакты дают основание предполагать о способности создавших их людей к деятельности, выходящей за рамки задач жизнеобеспечения и производства орудий труда. Специалисты пока не имеют достоверных свидетельств символического поведения представителей эпохи среднего палеолита на территории Южной Сибири, что, конечно же, не является основанием для вывода о их принципиальной неспособности к осмысленным актам духовного творчества. Достаточно вспомнить о серии среднепалеолитических погребений в Евразии (впрочем, далеко не все ученые признают сам факт преднамеренности захоронений и особого отношения к смерти у среднепалеолитических неандертальцев – см. материалы недавней дискуссии: [Riel-Salvatore, Clark, 2001]). Тем не менее факты указывают на происходившие на рубеже среднего и верхнего палеолита в Южной Сибири “взрывообразные” изменения в поведении человека, видимо, не связанные с появлением в этом регионе нового вида Homo. Одним из

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 03-01-00424а и 01-01-00287а, а также в рамках проекта фонда Евразия “Первоначальное заселение и освоение человеком Евразии: становление и эволюция палеолитических культур и корреляция природных колебаний и механизмов культурной адаптации”, грант МК-2755.2003.06.

** См. также: Шуньков М.В. Археология и география палеолита Северо-Западного Алтая: Дис. ... д-ра ист. наук (рукопись).

Рис. 1. Вид на стоянку Кара-Бом.

наиболее ярких проявлений этих изменений следует считать личные украшения, изготовление и использование которых обуславливалось стремлением к групповой или индивидуальной самоидентификации. Возможно, данные предметы являлись маркерами личного статуса их обладателя или были связаны с какими-то культовыми действиями. Накопленный материал требует осмысления и синтеза имеющихся в нашем распоряжении данных. До сих пор остаются невыясненными время появления украшений в палеолите Южной Сибири, а также контекст их использования и роль в символической деятельности человека. На некоторые вопросы могут дать ответ материалы стоянки Кара-Бом – одного из опорных переходных от среднего к верхнему палеолиту памятников Северной Евразии. До сих пор в научный оборот были введены очень яркие индустриальные комплексы каменных артефактов лишь с одного из участков довольно обширной раскопанной площади всего памятника (предполагалось, что находки будут издаваться в той последовательности, в которой велись раскопки) [Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000]. Опубликованные данные не включали материалы уникального комплекса, отражающего символическую деятельность и непосредственно относящегося к одному из уже изданных и ставших широко известных за последние годы культурных слоев стоянки. Настоящая публикация призвана заполнить этот пробел.

Расположение стоянки

Памятник (координаты 50°43' с.ш., 85°42' в.д.) обнаружен в Еловской котловине, входящей в систему межгорных депрессий Центрального Алтая. Пологое

дно котловины находится на высоте 1 000 – 1 100 м, окружающие горы поднимаются до высот 2 300 м над ур.м. Абсолютная высота стоянки составляет 1 120 м над ур.м. Стоянка располагалась у подножия скалы, сложенной сланцевыми породами. Камни опускаются ступенеобразными уступами (рис. 1). Культурные отложения зафиксированы на южной стороне скалы, это место постоянно освещено солнцем и укрыто от господствующих ветров. В непосредственной близости от стоянки имеется источник пресной воды, функционировавший, судя по данным стратиграфии, и в древности. Со стоянки видно всю долину, в нескольких сотнях метров от памятника склоны гор образуют своеобразный амфитеатр, связанный невысоким перевалом с соседней безводной долиной. Вероятно, здесь животные проходили на водопой, и этот участок мог использоваться в качестве естественной ловушки во время загонной охоты (рис. 2 – 4).

История исследования стоянки

Раскопки памятника были начаты в 1980 г. академиком А.П. Окладниковым. Работы проводились на участке, получившем позднее наименование “раскоп 1” (см. рис. 3). Предполагалось, что отложения памятника подверглись сильному воздействию водных потоков, поэтому сначала разборка культуросодержащих отложений велась по условным горизонтам мощностью 25 – 30 см, однако после обнаружения в горизонте 2 культурного слоя с многочисленными артефактами, имеющими “леваллуа-мустьерский облик” [Окладников, 1983], раскопки стали проводиться с учетом данных стратиграфии и характера залегания артефактов. Участок, исследования на котором позволили предпо-

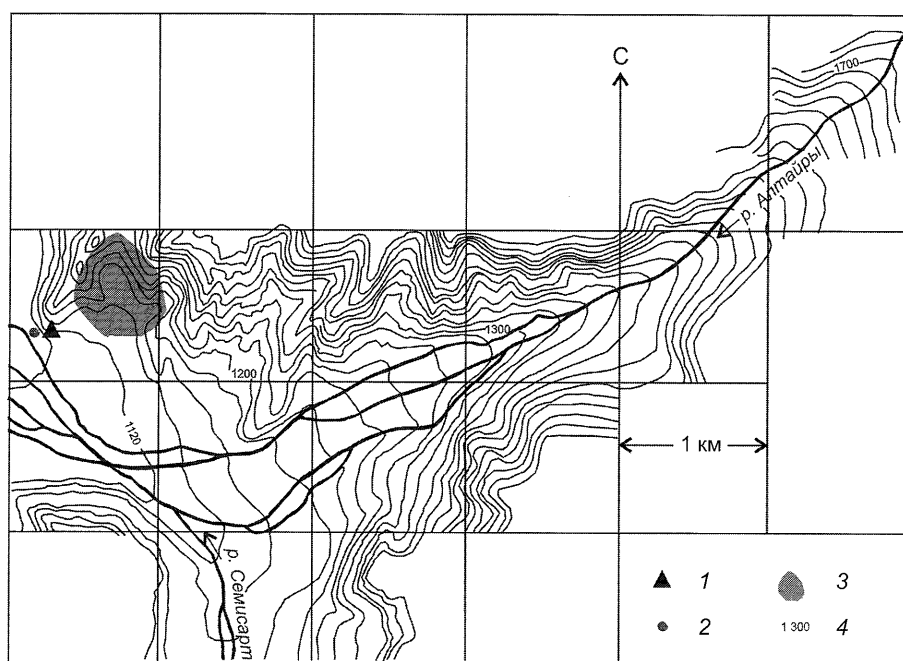

Рис. 2. Ситуационный план стоянки Кара-Бом.

1 — место стоянки Кара-Бом, 2 — источник воды, 3 — предполагаемый район охотничьей деятельности обитателей стоянки, 4 — высоты над ур.м. (м).

ложить непереложность части площади памятника, получил условное наименование “мастерская”. Согласно опубликованным данным А.П. Окладникова, а также его полевой документации, “мастерская” располагалась в середине слоя 3 (по нумерации А.П. Окладникова), в наиболее насыщенной обломочным материалом части, в “сутлинке желто-бурого цвета, сильно опесчаненном, с примесью крупных плиток сланца” [Там же, с. 7]. Максимальная мощность литологического слоя достигала 1,6 м. В 1980 г. ввиду нехватки времени раскопки “мастерской” завершить не удалось, хотя в остальной части раскопа были вскрыты отложения на значительно большей глубине. Работы были возобновлены в 1987 г. Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции (руководитель экспедиции А.П. Деревянко, начальник отряда В.Т. Петрин) и велись с небольшим перерывом до 1993 г. За все годы исследований вскрытию подверглась территория площадью 300 м². На участках в кв. И, К/8 – 9 был вскрыт находившийся в окружении многочисленных артефактов очаг, который содержал древесные угли и кости. В 1991 г. было закончено исследование территории раскопа 1, изучены участки в кв. Л, М/7 – 9, на которых на стратиграфическом уровне расположенной рядом “мастерской” впервые за все годы работы на памятнике была выявлена зона, насыщенная природными красителями (среди них были костяные украшения). В 1992 – 1993 гг. исследовался участок стоянки,

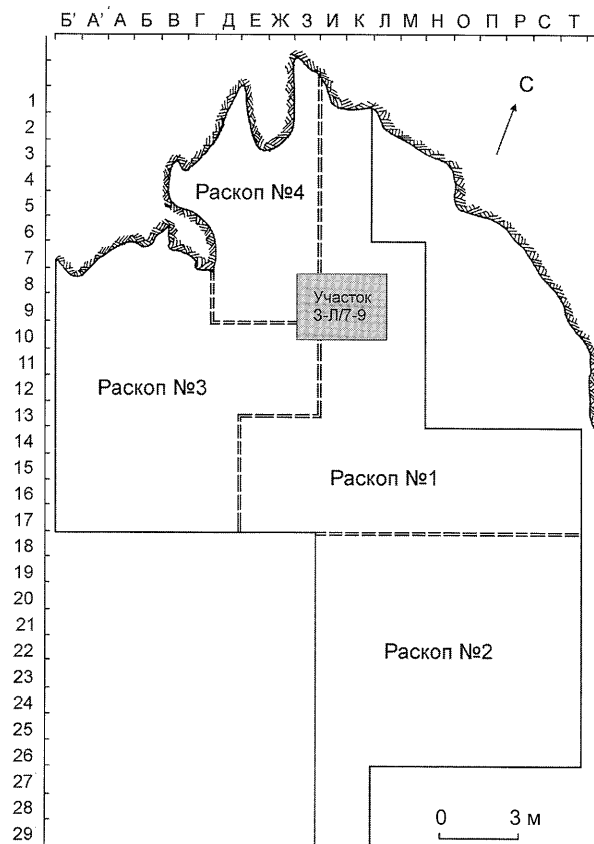

Рис. 3. Планы раскопов стоянки Кара-Бом.

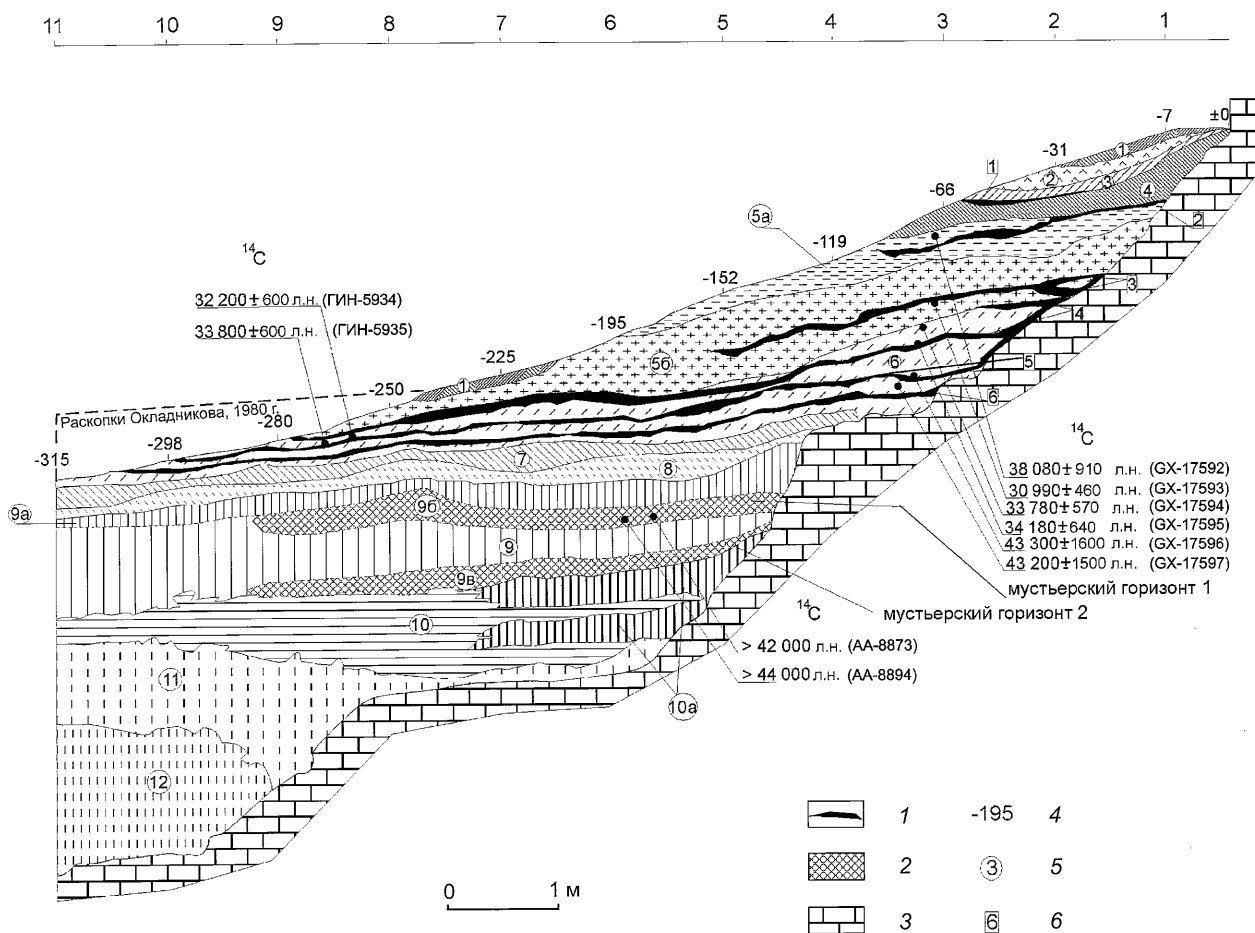

Рис. 4. Стратиграфический разрез стоянки Кара-Бом по линии И/1 – 11.

1 – позднелептосиенские уровни обитания, 2 – мустьерские культурные горизонты, 3 – коренная порода, 4 – отметки глубин от условного "0", 5 – номера литологических слоев, 6 – номера культурных подразделений.

получивший наименование "раскоп 4". На нем была выявлена стратиграфическая последовательность шести культурных слоев (нумерация с верха разреза) эпохи верхнего палеолита (уровни обитания 6 – 1) и двух слоев, относящихся к среднему палеолиту (мустьерские горизонты 2, 1). Результаты исследования раскопа 4 получили монографическое освещение в 1998 г. [Деревянко и др., 1998]. С учетом всех данных анализа нами выделяется стратиграфически и планиграфически единый участок, включающий "мастерскую" (работы 1980, 1987 гг.), кв. Л, М/7 – 9 (работы 1991 г.) (раскоп 1) и уровни обитания 6, 5 раскопа 4 (1992 – 1993 гг.). На этом участке зафиксирован древнейший не потревоженный ранневерхнепалеолитический культуросодержащий слой памятника. В 1990 – 1992 гг. исследовались участки памятника, названные раскопами 2 и 3 (см. рис. 3). Все они, кроме северной части раскопа 2, где находилось несколько очагов и четко очерченных рабочих площадок, подверглись значительным постдиспозиционным изменениям.

Стратиграфия, хронология и палеогеография стоянки

Основной стратиграфический разрез раскопов 1 и 4, где расположен изучаемый нами участок, был описан С.В. Николаевым [1998].

Толща отложений мощностью около 3,5 м делится на три крупных литологических подразделений*. Самое верхнее, связанное со склоновыми отложениями, было насыщено мелкозернистым эолового происхождения и состояло из серо-желтого песчанистого суглинка с обильными включениями обломочного материала. Это подразделение включает слои 8 – 1. Слои 4 – 2, относящиеся, вероятно, к сартанскому времени (эпоха последнего плейстоценового похолодания,

* Дается описание только культуросодержащих литологических слоев, полную стратиграфическую характеристику разреза см.: [Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000].

OIS-2), в 3 м от скалы исчезли в результате эрозионных процессов. В кровле слоя 4 выделен остаток верхнепалеолитического уровня обитания 1. Слой 5 (коричневато-серый суглинок) делится на два горизонта: верхний (5А) содержит верхнепалеолитический уровень обитания 2, нижний (5Б), отличающийся меньшим, чем верхний, содержанием обломочного материала, включает уровень обитания 3. Литологический слой 6 представляет собой сероцветную грубообломочную толщу слабовыветрелых (или почти не выветрелых) обломков дресвы и щебня сланцев, которая сцементирована песчанистым суглинком. В слое 6, начиная от средней части, фиксируются крупные (20 – 25 см) горизонтально лежащие обломки сланцев, к подошве слоя их количество возрастает. В кровле слоя отчетливо прослежена гумусация, на границе со слоем 5Б отмечен уровень обитания 4, а в средней части – уровень обитания 5; немного ниже последнего, ближе к подошве слоя, зафиксирован уровень обитания 6. В 11 м от скалы литологические слои 6 и 5 выклиниваются.

Два среднепалеолитических слоя залегают во второй пачке рыхлых отложений, которые представляют собой коричневато-серые, светлые сильнопесчанистые лессовидные суглинки с меньшими по объему, чем в верхних литологических слоях, включениями обломочного материала (слой 9). Этот генетически единый слой делювиального происхождения разделен на три субгоризонта. В горизонте 9Б зафиксирован среднепалеолитический горизонт 1, в горизонте 9В – среднепалеолитический горизонт 2. Ниже, на скальном дне, лежала перемещенная по склону, деформированная криогенными процессами третья литологическая пачка (слои 10 – 12), состоящая из коры выветривания и зеленовато-серых иловатых суглинков субаквального происхождения. Она не содержала артефактов.

По образцам, полученным из колонки отложений, исследованной при раскопках участка в кв. И/5, была построена хронологическая последовательность возрастных определений (все даты получены при помощи AMS ускорителя). Для мустьерского горизонта 1 по кости определены две радиоуглеродные даты: > 42 тыс. л.н. (AA-8873) и > 44 тыс. л.н. (AA-8894), для находящегося в литологическом горизонте 6 уровня обитания 6 – $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (GX-17597) и уровня обитания 5 – $43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (GX-17596). По углю установлены даты для уровня обитания 4, находящегося на границе литологических слоев 6 и 5, – $34\,180 \pm 640$ л.н. (GX-17595), для кровли слоя 6 (ближе к границе с горизонтом 5Б) – $33\,780 \pm 570$ л.н. (GX-17594). Для горизонта 5Б, содержащего уровень обитания 3, определена дата по ^{14}C – $30\,990 \pm 460$ л.н. (GX-17593). Для отложений на контакте слоев 5, 4 (между верхнепалеолитическими слоями 4, 3) име-

ется дата $38\,080 \pm 910$ л.н., однако материал для этого определения был получен из отложений, не связанных с какими-либо культурными остатками, по-видимому, из норы землероя [Goebel, Derevianko, Petrin, 1993]. Кроме того, в 1987 г. были определены две конвенционные радиоуглеродные даты (Лаборатория Института геологии АН СССР): $32\,200 \pm 600$ л.н. (ГИН-5934) и $33\,800 \pm 600$ л.н. (ГИН-5935). Первая дата установлена по коллагену кости из слоя 7, вторая по углю из отложений с неясной культурной привязкой, расположенных выше очага в слое 6. Образцами для определения обоих дат послужили находки из кв. И/9. Однако, по нашему мнению, эти хронологические определения нельзя принимать во внимание. Во-первых, недоверие вызывает конвенционный радиоуглеродный метод, основанный на применении методик 1960 – 1980-х гг. при обработке крупных образцов угля. Во-вторых, следует учитывать, что материал для датирования был взят на участке, вскрытом экспедицией А.П. Окладникова в 1980 г., от дневной поверхности угли и кости были отделены не более чем 10-сантиметровым слоем отложений. За те семь лет, которые этот участок находился практически открытым, под воздействием окружающей среды могло произойти загрязнение датирующего материала. Кроме того, хотя образцы разделяет примерно полуметровая толща отложений, дата для вышележащих на 1 тыс. лет древнее, чем для нижележащих. Наблюдаемая необъяснимая инверсия позволяет отдать предпочтение последовательной колонке AMS-дат.

Как и любой объект, связанный со склоновыми отложениями в горных странах, Кара-Бом имел сложную геологическую историю. На сохранность отложений памятника влияли:

деятельность источника в древности – несомненные следы перемыва выделены только в отложениях участка раскопа 3 (см. рис. 3);

эрозионные процессы, обусловленные водными потоками тающих снежников и ледников. Памятник в прошлом и в настоящее время с севера и запада ограничен скальными выходами, а с юга – долиной р. Семисарт. Несомненно, ранее террасовая площадка Кара-Бомы, сложенная склоновыми отложениями, занимала значительно большую площадь, об этом свидетельствует расположение слоев в разрезе. Позднее эта часть террасы была уничтожена мощными потоками, аккумулировавшимися в циркообразных емкостях выше стоянки. Отложения, связанные с врезами временных водотоков, фиксируются в отложениях раскопа 2;

гравитационные и эрозионные нарушения, напрямую связанные со склоновым характером памятника. Судя по стратиграфическому разрезу стоянки, слои, непосредственно примыкающие к скале, залегают субгоризонтально, в отличие от довольно крутого

угла наклона современной дневной поверхности памятника. В 11 м от скалы они были срезаны в результате склоновых процессов оползания и смыва. Именно в связи с этими процессами на памятнике практически не сохранились лессовидные отложения сартанского времени, остатки которых были обнаружены лишь в норах землероев и не далее чем в 2 м от скалы. Таким образом, лишь участок стоянки, включающий территорию раскопов 1 и 4 и, очевидно, верхнюю половину отложений северной части раскопа 2, поскольку был защищен с севера и северо-востока преградой из скальных пород, находится *in situ* и ранее не испытал в полной мере воздействия субаквальных и склоновых процессов. О непереложности этого участка свидетельствует и то, что только на отмеченном участке стоянки фиксируются четко очерченные поселенческие структуры (очаги, кострища, производственные участки, на которых произведен ремонт многочисленных артефактов как внутри скоплений находок, так и между отдельными структурами внутри поселенческих комплексов).

При реконструкции природных условий позднего плейстоцена Еловской котловины использованы данные палинологии [Симонов, Малаева, Куликов, 1998], геологии и геоморфологии [Николаев, 1998], палеопедологии [Дергачева, Феденева, 2001]. Культурные слои СП 2 и 1 связаны, очевидно, со второй половиной Зырянского оледенения и начальными этапами Каргинского межледниковья. Климатический тренд этого времени был достаточно сложен, начало заселения стоянки связано с холодным, относительно сухим и континентальным климатом. В целом в зырянское время дно долины было занято безлесными ассоциациями криоаридных степей, которые могли распространяться вверх по склону вплоть до границ ледника. С наступлением периода относительного потепления и увлажненности распространение получили сосновые леса с примесью широколиственных пород. Заключительная стадия зырянского времени отмечена похолоданием, появлением участков горного оледенения, опускавшегося до абсолютных высот 1 360 – 1 460 м, при сохранении участков пониженного рельефа со смешанными лесами. В каргинское время выделяются три теплых периода, разделенных относительными похолоданиями, которые были значительно менее суровыми, чем во время предыдущего периода. Наиболее теплые периоды (с ними, в частности, связано обитание человека на стоянке во время формирования первых верхнепалеолитических слоев 6 и 5) характеризуются преобладанием в долине сухих степей. Этим периодам соответствует наиболее сложная структура высотной зональности. Южные склоны до высот 1 300 м были заняты степными ландшафтами, а северные до этих же высот – лесостепными. Лесной пояс поднимался выше по склону,

в структуре растительности господствовали темнохвойные породы, присутствовали лиственные и широколиственные породы (*Corylus*, *Ulmus*, *Acer*, *Alnus*). Верхние части склонов представляли альпийские и субальпийские ландшафты. Таким образом, природные условия долины на протяжении OIS 3 – OIS 4, за исключением максимума оледенения, характеризовались сложной мозаичной структурой ландшафта и в целом были благоприятны для человека.

Культурная характеристика индустрии памятника

Отложения стоянки Кара-Бом демонстрируют культурную последовательность индустрий второй половины среднего палеолита (среднепалеолитические слои 2, 1) – начального периода ранней поры верхнего палеолита (верхнепалеолитические слои 6, 5) – ранней поры верхнего палеолита (верхнепалеолитические слои 4 – 1). Среднепалеолитические слои характеризуются преимущественно параллельным и леваллуазским конвергентным расщеплением плоскостных нуклеусов [Рыбин, 1998] (рис. 5, 6). В эпоху среднего палеолита начальная стадия расщепления была связана с раскалыванием желваков породы по естественным граням желвака. Дальнейшая утилизация осуществлялась в рамках однонаправленного параллельного метода, на этом этапе скалывались крупные, массивные пластины. После переоформления нуклеуса серией конвергентных снятий редукция нуклеуса проводилась с использованием однополярного конвергентного метода, в рамках одного цикла раскалывания снималось до двух-трех леваллуазских острий. Заключительная стадия утилизации, как правило, проходила в рамках параллельного метода. На всех этапах расщепления латеральная выпуклость ядрища обеспечивалась постоянными снятиями краевых сколов. Орудийный набор представлен большими сериями леваллуазских (острия, зубчато-выемчатые изделия, ретушированные пластины, обушковые ножи, изготовленные на краевых сколах, скребла) и верхнепалеолитических (скребки, резцы, проколки) орудий. Верхнепалеолитические индустрии Горного Алтая являются, по нашему мнению, результатом автохтонного развития среднепалеолитических комплексов. В комплексах ранневерхнепалеолитических слоев 6, 5 основные изменения отмечены на стадии первичного расщепления камня (см. рис. 5, 6): зафиксированы признаки перехода от леваллуазской технологии к редукционной стратегии серийного снятия заготовок с призматических и торцовых нуклеусов, а также появления техники скалывания пластинок и микропластинок. В эпоху верхнего, как и среднего, палеолита на начальном этапе расщепления нуклеуса основным сколом-заготовкой являлась крупная удлинённая плас-

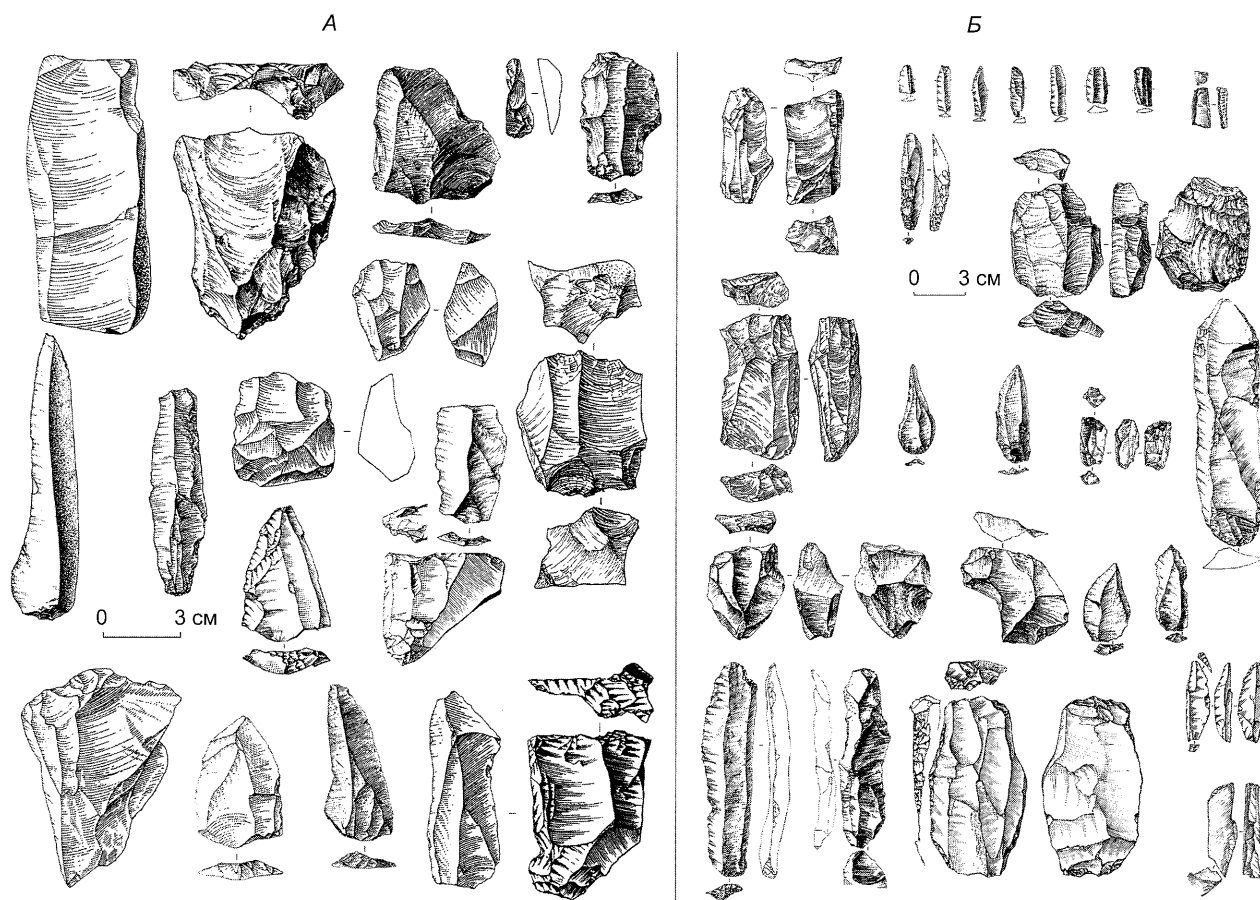

Рис. 5. Каменные артефакты из среднепалеолитических (А) и ранневерхнепалеолитических (Б) комплексов. Стоянка Кара-Бом.

тина. После истощения нуклеуса расщепление переносилось на узкую поверхность нуклеуса, с которой скалывались пластинки и микропластинки. Иногда заготовками для микропластинчатых нуклеусов становились массивные краевые сколы, постоянно появлявшиеся в ходе расщепления. Связующими звеньями между средне- и верхнепалеолитическими индустриями Кара-Бом являются широкое применение параллельного расщепления, сходство по своему характеру этапов технологической последовательности редукции нуклеуса. В ранневерхнепалеолитических комплексах Кара-Бом нашли отражение отдельные признаки леваллуазской технологии. Например, зафиксированы удлиненные леваллуазские острия специфических форм. В орудином наборе из ранневерхнепалеолитических слоев Кара-Бом широко представлены зубчато-выемчатые орудия, ретушированные пластины (в т.ч. на крупных, массивных заготовках), концевые скребки, многофасеточные резцы, обушковые ножи, острия на пластинах с двусторонним уплощением основания (напоминающие эмирехские острия). Особенность индустрии – широкое применение

комбинированных орудий. Ранневерхнепалеолитические технокомплексы Кара-Бом демонстрируют значительную близость к синхронным переходным индустриям Ближнего Востока (Учагизли, Бокер-Тахтит) и Центральной Европы (Богунисьен).

Анализ пространственного размещения украшений

Планиграфия участка 3 – Л/7 – 9. Для анализа планиграфии участка, связанного с костяными украшениями и красителями, привлечены данные, полученные при раскопках участка 3 – Л/7 – 9, представляющего, очевидно, гомогенный хозяйственно-бытовой планиграфический комплекс (рис. 7). Находки залегают в нижней части отложений слоя 6, представляющего собой сероцветные песчано-суглинистые отложения, насыщенные щебнем и плитками сланца. Общая площадь анализируемого участка составляет 11 м². Перепад глубин находок в пределах участка не превышает 38 см: от –352 см (от относительного “0”) в юго-западном углу до –314 см в северо-

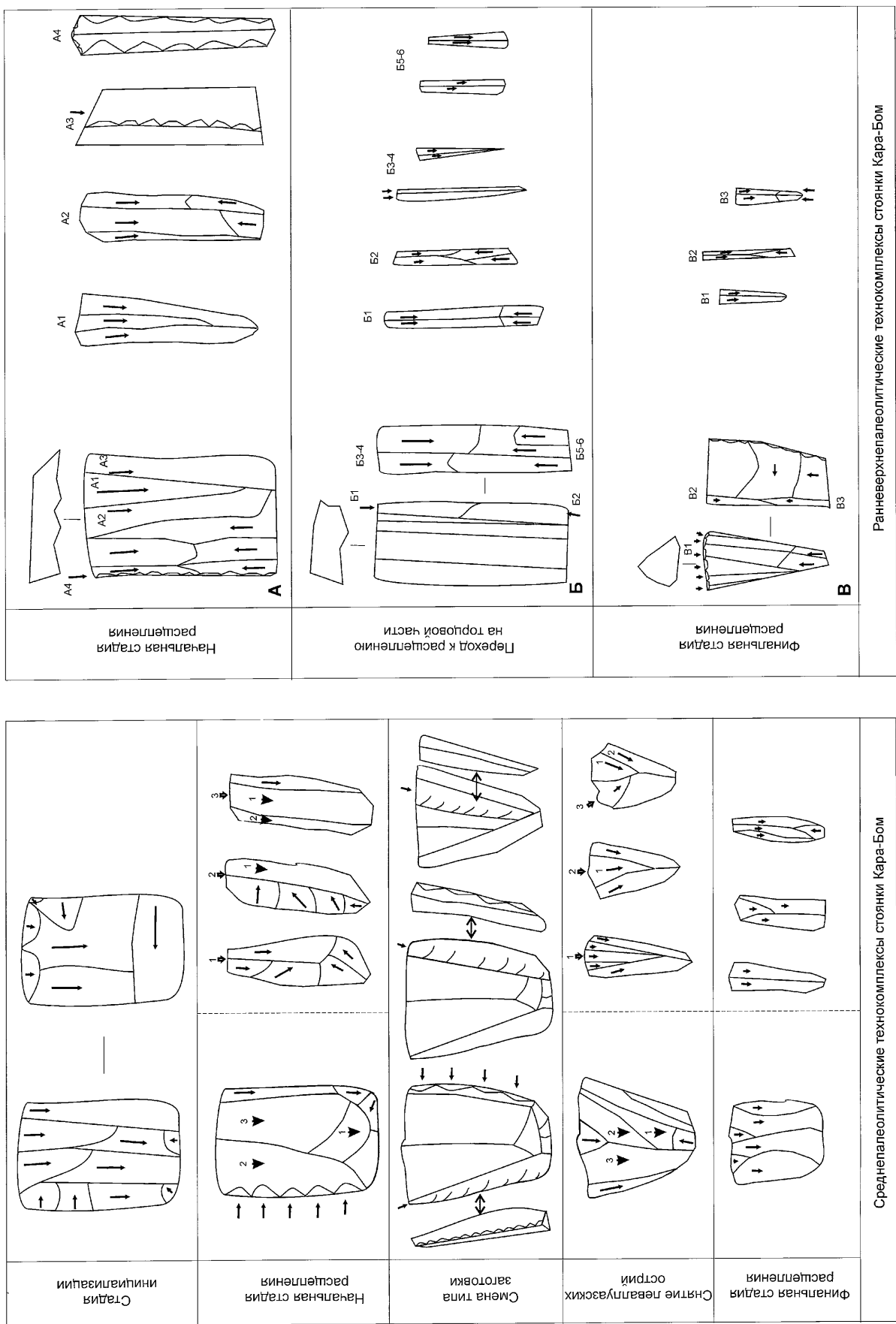

Рис. 6. Схема технологической цепочки расщепления в технокомплексах стоянки Кара-Бом.

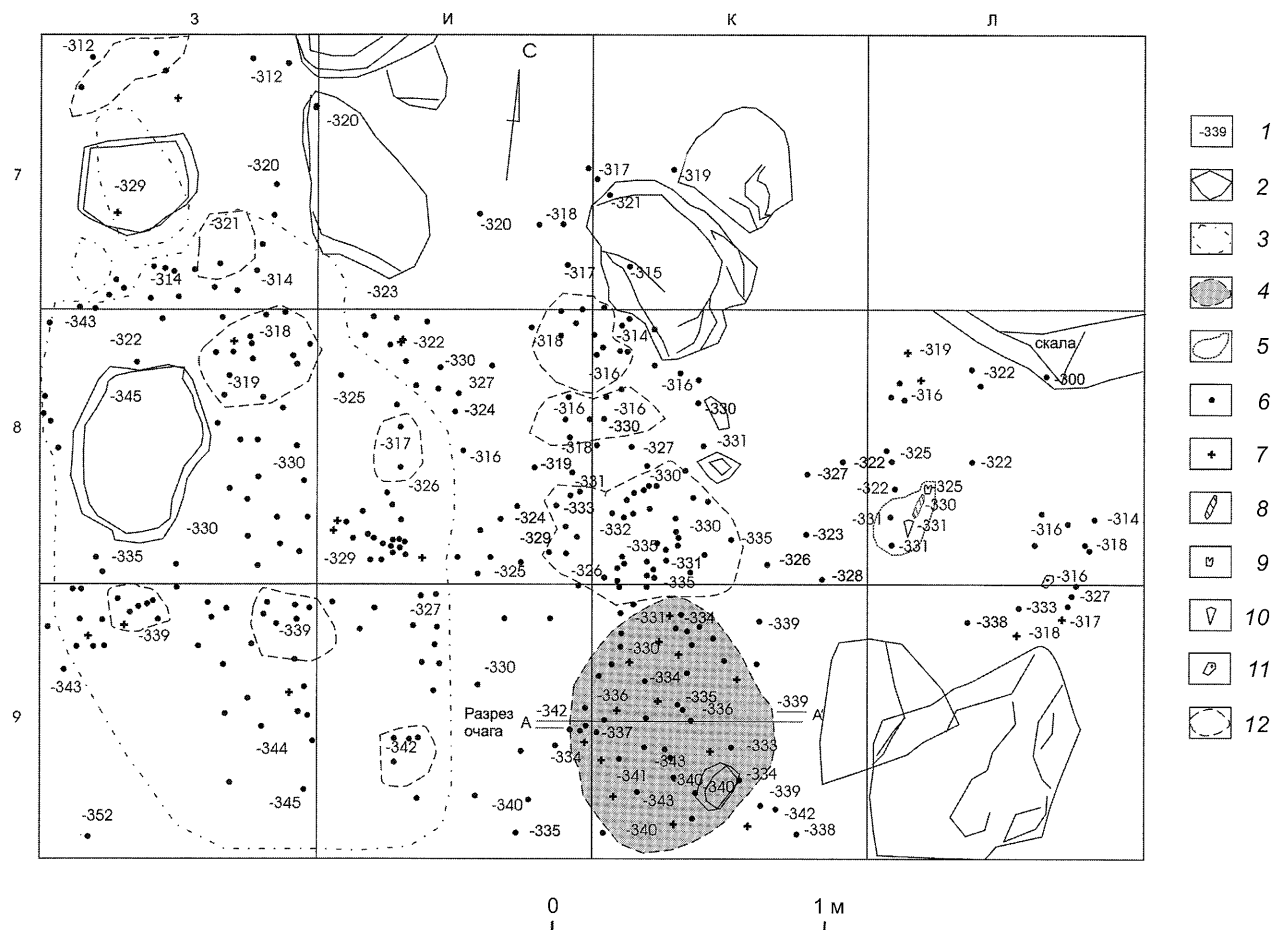

Рис. 7. План участка 3 – Л/7 – 9. Стоянка Кара-Бом.

1 – глубина относительно условного “0” (см), 2 – камни, 3 – границы прокалов, 4 – граница очага, 5 – пятно красителя, 6 – каменные артефакты, 7 – кости, 8 – галька из пятна красителя, 9 – подвеска № 1, 10 – подвеска № 2 (зуб), 11 – подвеска № 3, 12 – скопление артефактов.

восточном углу комплекса, средние глубины варьируют от –316 до –340 см, что соответствует общему наклону слоя.

Восточная часть участка (верхнепалеолитический уровень обитания 5, кв. 3, И/7 – 9) очень насыщена находками. Встречено большое количество плиток сланца. Массовая насыщенность культурными остатками наблюдается в зоне кв. 3, И/7 – 9, представляющей собой сплошную брекчию из предметов каменной индустрии, костей и углей. Грунт в этой зоне сильно прокален и имеет красноватый оттенок. По линии кв. 3, И/4 – 9 – сплошная зона распространения углей и прокалов. В кв. 3, И/5 – 8 зафиксировано скопление плит в виде сильно вытянутого овала. Под камнями находок не обнаружено, что может свидетельствовать о том, что плиты появились здесь одновременно с формированием слоя. В этой зоне комплекса выявлено 210 каменных артефактов, в т.ч. 3 нуклеуса, 34 ору-

дия (16,1% от всех артефактов участка). В зоне распространения углистого пятна мощностью 10 – 15 см найдена брекчия из предметов каменной индустрии и обожженных костей. Участок в кв. И, К/7 – 9, как уже отмечалось, был раскопан в 1987 г. и относится к т.н. мастерской, выделенной отдельным комплексом А.П. Окладниковым. По нашему мнению, “мастерская” является нижней частью слоя 6 (стратиграфически не расчленена в ходе раскопок 1980 и 1987 гг.), являющейся планиграфической частью верхнепалеолитических уровней обитания 6, 5. В пользу этого свидетельствует, во-первых, стратиграфическое описание А.П. Окладникова. “Желтовато-бурый сильно опесчаненный суглинок средней части слоя 3”, насыщенный плитками и обломками сланца [Окладников, 1983], в полной мере соответствует литологической характеристике литологического слоя 6 разреза 1990 г. Видимо, на начальном этапе исследований в границах

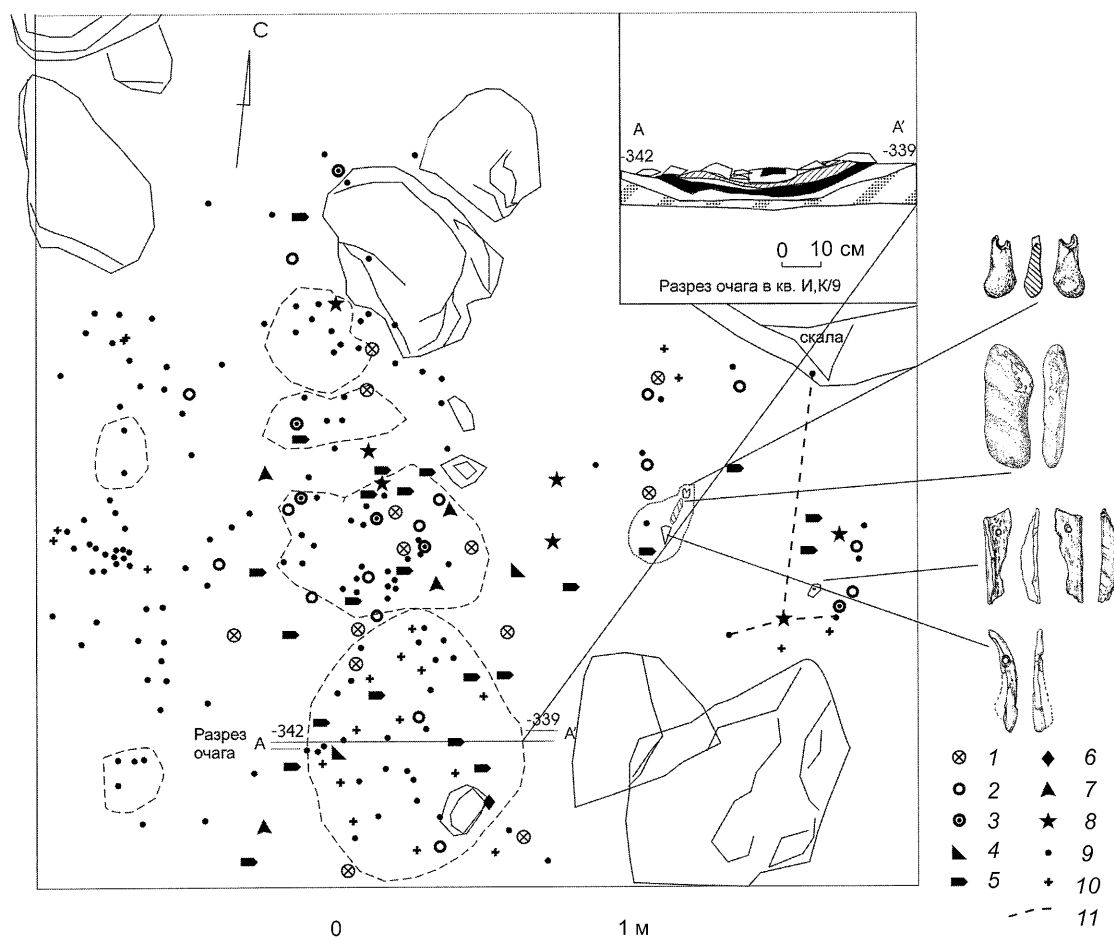

Рис. 8. Планиграфия основных категорий артефактов на участке И – Л/7 – 9.

1 – скребки, 2 – зубчато-выемчатые и выемчатые орудия, 3 – комбинированные орудия, 4 – ножи, 5 – ретушированные пластины, 6 – резцы, 7 – острия, 8 – нуклеусы, 9 – сколы, 10 – кости, 11 – связь между ремонтируемыми сколами.

мощного слоя 3 А.П. Окладниковым были объединены слои 8 – 4 принятого ныне подразделения разреза Кара-Бомы. Во-вторых, как показывает анализ характера распространения артефактов “мастерской” по вертикали, выделяется два уровня залегания находок – более явно выраженный в части комплекса, приближенной к скале, и менее выраженный в южной части комплекса, что полностью соответствует стратиграфическому положению артефактов в уровнях обитания 6, 5, которые практически сливаются на линии кв. 8, 9. Описываемый нами комплекс относится к верхнему горизонту находок. Ремонт артефактов позволил воссоединить ряд предметов из “мастерской” и уровней обитания 6, 5. Аппликационные связи с вышележащими культурными слоями установлены не были.

В кв. И, К/7 – 9 был выявлен очаг (рис. 8), образованный в искусственном углублении, дно которого находится ниже уровня древней поверхности на 10 см.

Заполнение очага состоит из переслаивающихся слоев углей, обожженных артефактов и большого количества костей, золы и красноватого прокаленного грунта. В верхней части очага зафиксированы слой золы, а также несколько плоских камней – возможно, это остатки искусственной обкладки очага. Ниже расположен слой углей; сохранившиеся угольки – продукты сжигания кустарника. Подстилает его красноватый провал. На участке в ассоциации с артефактами были обнаружены фаунистические остатки (определение Н.Д. Оводова): 84 фрагмента неопределимых костей, зуб и фрагмент лопатки *Coelodonta antiquitatis*, 5 зубов и два обломка ребра *Equus* sp., позвонок *Lepus tolai*, фрагмент нижней челюсти *Bison* sp., 5 обломков ребер *Ovis* sp. С севера и востока к очагу примыкают крупные глыбы сланца и выходы скалы. Выявлено 198 артефактов. Среди них имеется шесть нуклеусов (рис. 9, 1 – 3, 6).

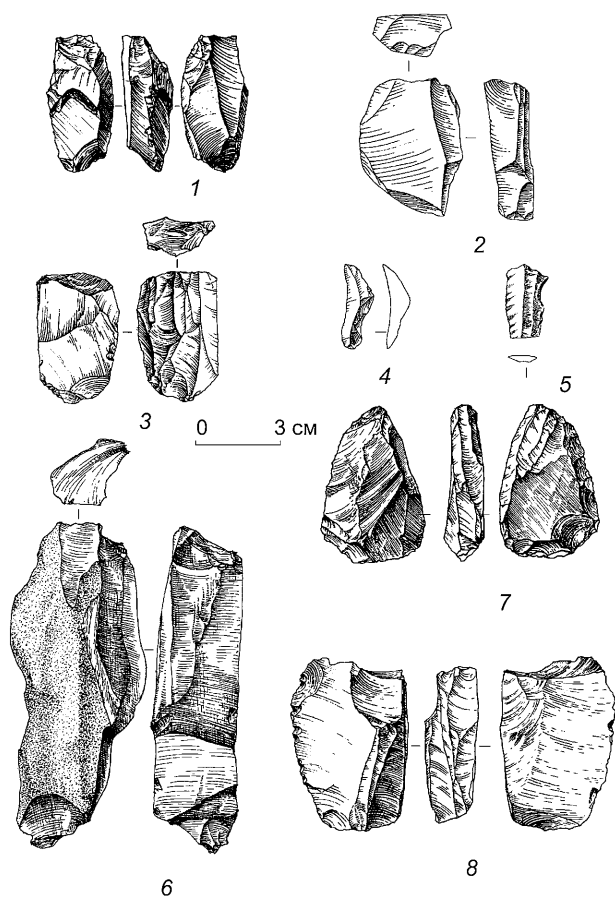

Рис. 9. Каменные артефакты с приочажного участка в кв. И, К/7 – 9. Стоянка Кара-Бом.

Все они, за исключением одного находящегося в начальной стадии расщепления (см. рис. 9, 6), небольшие по размерам и относятся к финальной стадии редукции (с них производились снятия пластинок и микропластинок, продукты скалывания с таких нуклеусов рис. 9, 4, 5). Два нуклеуса переоформлены в орудия (этот прием характерен для кара-бомовской индустрии), на одном из них оформлен скребок (рис. 9, 7), другой использовался в качестве ножа (рис. 9, 8).

Обнаружен 141 неретушированный скол, в т.ч. 12 крупных пластин (рис. 10, 2, 9). Эта категория артефактов часто использовалась в трудовых процессах без нанесения вторичной обработки, о чем свидетельствуют признаки нерегулярной ретуши утилизации на продольных краях. Можно предположить, что эти артефакты были принесены на стоянку из другого места, поскольку подходящие к ним по размеру и характеру сколов нуклеусы не обнаружены. Найдено 51 орудие (25,7% артефактов). Среди них выделены следующие типы: скребки – 11 экз., или 21,5% от всех орудий (см. рис. 9, 7; 10, 7), зубчато-выемчатые и выемчатые орудия – 11 экз., или 21,5% (см. рис. 9, 5; 10, 1, 3, 11, 12), ножи – 2 экз., или 3,9% (см. рис. 9, 8; 10, 4), ретуширо-

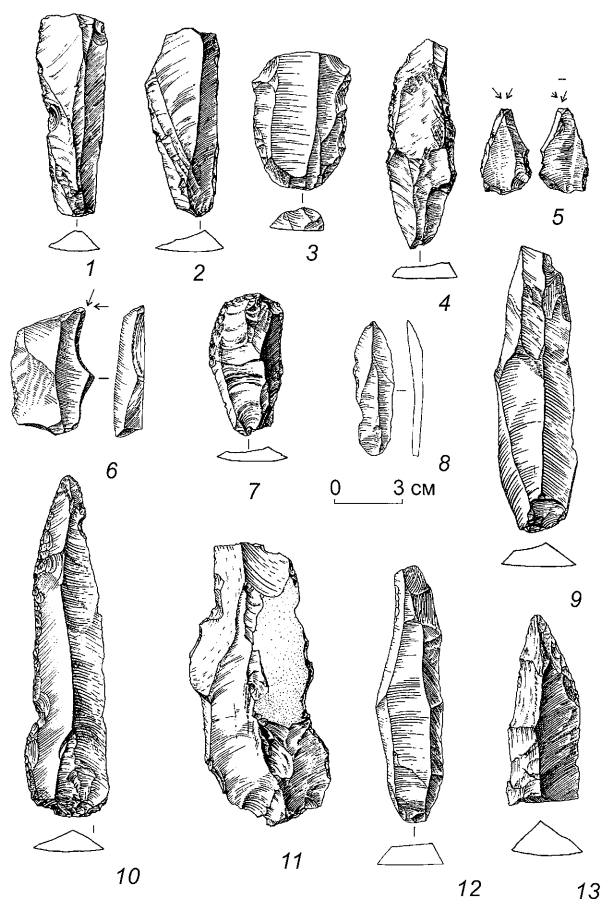

Рис. 10. Каменные артефакты с приочажного участка в кв. И, К/7 – 9. Стоянка Кара-Бом.

ванные пластины – 18 экз., или 35,3%, резец – 1 экз., или 1,9% (см. рис. 10, 5), комбинированные орудия – 5 экз., или 9,8% (см. рис. 10, 6), острия – 3 экз., или 5,8% (см. рис. 10, 13). Сравнение этих данных с аналогичными показателями всего комплекса верхнепалеолитического уровня обитания 5 [Деревянко и др., 1998] позволило установить функциональную специфику участка. Доля орудий из уровня обитания 5 равняется 13,6% от общего количества артефактов комплекса. Ретушированные пластины среди орудий комплекса составляют 14,8%, зубчато-выемчатые орудия – 25,3, ножи – 10,4, острия – 8,8, скребки – 9,8, резцы – 14,9%. Обращает на себя внимание значительное преобладание скребков, функционально универсальных в кара-бомовском комплексе ретушированных пластин и зубчато-выемчатых орудий. Дополняют картину данные о характере распределения основных типов артефактов на участке И, К/7 – 9. В непосредственной близости от очага было обнаружено 41 орудие. Наибольшая концентрация артефактов прослеживается к северу от очага – здесь было найдено значительное количество находок: 9 из 11 скребков комплекса и подавляющая часть ретушированных пластин.

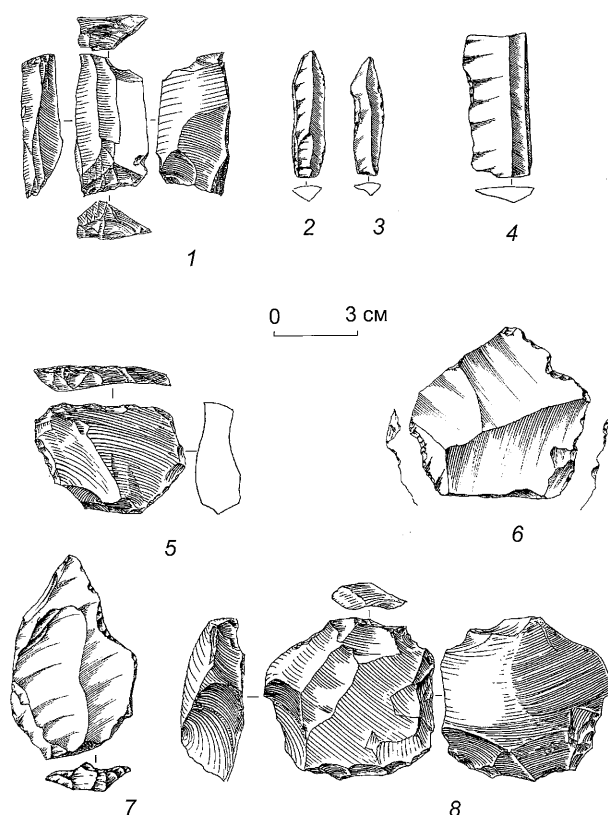

Рис. 11. Каменные артефакты из кв. Л/8 – 9.
Стоянка Кара-Бом.

Наибольший интерес вызывает планиграфическая ситуация, зафиксированная в кв. Л/8 – 9 (см. рис. 7, 8). В кв. Л/7 была выявлена примыкающая к планиграфическому комплексу погребенная ступень скального основания. Южнее, в кв. Л/9, отмечена крупная глыба сланца. В кв. Л/8 – 9 артефакты находились в своеобразной нише между скалой и своего рода стенкой из камней. Основная часть находок зафиксирована на глубине в среднем от – 316 до – 322 см от относительного “0”. В кв. Л/8 на глубине 300 см на краю одного из выступов скалы обнаружен артефакт, который, очевидно, был “выдавлен” в результате движения грунта; в кв. Л/9 на глубине от 327 до 338 см – несколько изделий, перекрытых плоской плитой сланца; в кв. Л/8 – небольшое углубление длиной 30 см и шириной 20 см, заполненное зернами и порошком красно-бурого минерала. На данном стратиграфическом уровне подобных красителей больше не зафиксировано. В ямке (максимальная глубина 331 см) обнаружены два каменных артефакта (отщеп с ретушью и фрагмент пластинки с обушком), плоская удлиненная галька, один конец которой был интенсивно окрашен красным пигментом, и две костяные подвески: одна, окрашенная пигментом,

изготовлена на фрагменте кости, другая представляла собой разрушившийся на несколько фрагментов зуб травоядного с просверленным корнем. В 50 см от границы ямки выявлена третья подвеска – просверленный фрагмент трубчатой кости. Насыщенность слоя каменными артефактами, главным образом мелкими отходами расщепления, несколько ниже, чем в остальных подразделениях комплекса. В кв. Л/8 – 9 найдено 22 изделия из камня, в т.ч. 2 нуклеуса (рис. 11, 1, 8). Зафиксировано 12 орудий, что составляет ок. 55% от общего количества артефактов. В число орудий входят три ретушированных отщепа, две пластины с ретушью по продольным краям, два концевых скребка выемчатой формы (рис. 11, 5), два зубчато-выемчатых орудия (рис. 11, 6), два выемчатых орудия (заготовкой для одного из них стал скол, напоминающий леваллуазское острие с фасетированной ударной площадкой (рис. 11, 7), для другого – пластина (рис. 11, 4)) и комбинированное орудие (нож на краевом сколе с ретушированной выемкой на лезвии). Большой интерес вызывает найденный в кв. Л/9 апплицированный нуклеус для снятия мелких пластинок (рис. 12) (аппликационные связи нуклеуса см. на рис. 8). Нуклеус-основа апплицированного блока (см. рис. 11, 1) изготовлен на фрагментированном массивном краевом сколе. Он двухплощадочный, расщепление производилось на узком торце нуклеуса. К нуклеусу удалось подобрать три мелкие пластинки (см. рис. 11, 2, 3). Нуклеусы аналогичной формы с признаками применения подобной технологии расщепления и сколы широко представлены в технокомплексах уровней обитания 6, 5 [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000, рис. 9, 10].

Морфология и технология изготовления украшений

В кв. Л/8 украшения находились в углублении вместе с конкрециями и порошком красновато-бурого цвета (общий вес 88 г), определенного канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик как гетит (рис. 13). Гетит (назван в честь немецкого поэта И.В. Гете) относится к минералам группы водных окислов железа (FeOOH , твердость 6, плотность 4,1) [Розанов, Толстихина, 1947]. Часто встречается на заболоченных участках. Гетит определяет все разнообразие желто-коричневых цветов и оттенков, которое характерно для многих естественных образований. Другими словами, гетит является своего рода хромоформом для естественных пигментов – охры, сиены и умбры. В зависимости от того, в каком субстрате гетит является красящей составляющей, различают охры глинистые, железоокисные и карбонатные. Таким образом, данный минерал является одним из традиционных компонентов (вместе с органическими материалами, например жиром) для изготовления одного из самых распространенных

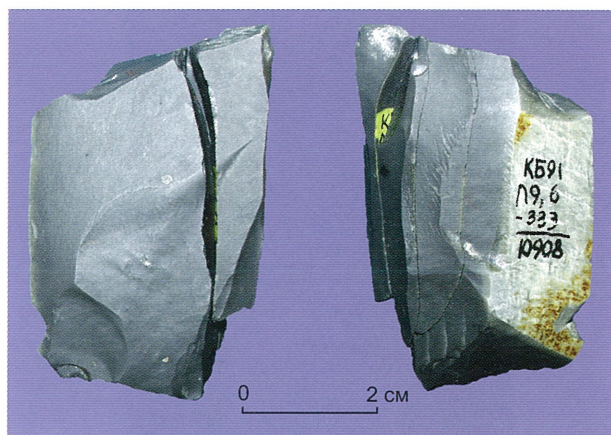

Рис. 12. Нуклеус с апплицированными сколами из кв. Л/9. Стоянка Кара-Бом.

Рис. 13. Образцы минерального пигмента из кв. Л/8. Стоянка Кара-Бом.

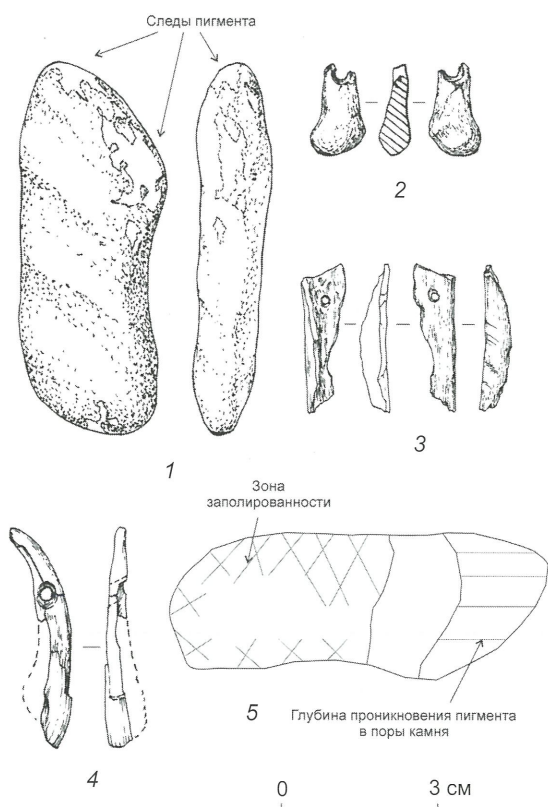

Рис. 14. Предметы из кв. Л/8 (1 – 4) и схема расположения рабочих участков на гальке из пятна пигмента (5).

Стоянка Кара-Бом.

1 – галька, 2 – подвеска № 1, 3 – подвеска № 3, 4 – подвеска № 2. 1 – 4 – рисунки А.В. Абдульмановой, 5 – рисунок П.В. Волкова.

в палеолитической культуре пигментов – охры. Для изготовления краски из гетита (он имеет достаточно большие показатели твердости по шкале Мооса) требовался какой-либо предмет для растирания.

Рис. 15. Галька из пятна пигмента. Стоянка Кара-Бом.

Рис. 16. Подвеска № 1. Стоянка Кара-Бом.

В пятне красителя был обнаружен камень – плоская трапециевидная удлиненная линзовидная в сечении галька (максимальная длина 74 мм, ширина в медиальной части 26 мм, толщина – 12 мм) из осадоч-

Рис. 17. Подвеска № 2. Стоянка Кара-Бом.

ной породы с гладкой поверхностью, с зеленоватыми и белыми прожилками алевролита и песчаника (рис. 14, 1; 15). На одном из поперечных концов камня сохранились следы пигмента.

В пятне красителя, как было сказано, обнаружены две подвески.

Подвеска (№ 1) удлиненной формы, светлого красно-бурого цвета, ее противоположный ушку конец по очертаниям напоминает грушу. Длина изделия 18 мм; ширина в районе ушка 7 мм, толщина – 2,5 мм; ширина основания 11 мм, толщина – 5,5 мм (см. рис. 14, 2; 16). Верхняя стенка ушка отсутствует; отверстие было изготовлено методом биконического сверления. Заготовкой для изделия стал неопределимый фрагмент кости (метаподий мелкого хищника?). Поверхность слегка пришлифована с помощью абразива, может быть, охры. Подвеска в целом по морфологии и, возможно, технологии изготовления (использование охры в качестве полирующего агента, вырезание из заготовки) несколько напоминает бусины “в форме корзины” (basket-shaped beads), характерные для европейского ориньяка (правда, в ориньяке Юго-Западной Франции подобные бусины делали преимущественно из бивня мамонта и отверстие чаще вырезали или выдалбливали (to gouge)) [White, 1989, 1993].

Вторая подвеска (№ 2) – резцовый зуб животного семейства *Bovidae* (определение С.К. Васильева) (см. рис. 14, 4; 17). Подвеска найдена во фрагментированном состоянии и собрана из трех частей. Ее длина 42 мм, ширина/толщина 5 мм. В корне зуба путем биконического сверления образовано довольно крупное отверстие.

Рис. 18. Подвеска № 3. Стоянка Кара-Бом.

Подвеска (№ 3), найденная вне пятна пигмента, изготовлена на фрагменте лучевой кости (?) небольшого копытного (?). Она удлиненная, прямоугольной формы, длиной 34 мм, шириной 8 мм (см. рис. 14, 3; 18). Ближе к одному из концов подвески методом биконического сверления сделано отверстие. На одной из плоскостей изделия прослеживается серия параллельных нарезок.

Подвески, по заключению трасолога д-ра ист. наук П.В. Волкова, плохой сохранности, линейные следы прослеживаются плохо и фрагментарно. Анализ макропризнаков показал, что сверление кости двустороннее, вероятно, лучковое. Ось вращения не строго перпендикулярна плоскости сверления, точки сверления на противоположных плоскостях заготовок не точно совпадают друг с другом. Оборот сверла вокруг своей оси – более 180°. Сверление осуществлялось предположительно каменным, специально не подготовленным орудием. Перед сверлением подготавливалась плоскость. Уплотнение производилось, вероятно, ножом, однонаправленным движением с последующей поперечной подрезкой стружки. Насечки на плоскости подвески № 3 выполнены ножом (не резцом) с узким неретушированным лезвием.

Галечка, как отмечено П.В. Волковым, хорошей сохранности. Выявлены микрополировка и линейные следы. Отмечены две зоны износа (см. рис. 14, 5). Первая – тыльная поверхность (место удержания инструмента в работе) – несет следы микрополировки, образовавшиеся в результате контакта с руками оператора, вторая – рабочий участок, на котором фиксируются несистематизированные линейные следы кон-

такта артефакта с примесями охры. В целом артефакт можно интерпретировать как шпатель для нанесения охры вязкой консистенции. В микропорах поверхности камня сохранились фрагменты охры. Продолжительность использования артефакта, который, вероятно, был своего рода “одноразовым инструментом”, незначительная.

Обсуждение планиграфического контекста украшений

Описываемый участок характеризуется сложной планиграфической структурой. В восточной части комплекса сохранились остатки кострища. В центре фиксируется довольно хорошо сохранившийся очаг (вероятно, со следами обкладки), образованный, по данным микростратиграфии, в искусственном углублении. По северному и восточному краям комплекс окаймляют крупные глыбы сланца и выход коренной породы. Нельзя исключать, что камни являются остатками жилищной конструкции. В пользу этого предположения свидетельствует специфический состав артефактов, не характерный для обычной рабочей площадки: в западной части комплекса 16%, в центральной – 25,7, в восточной – более 50% орудий от всего количества артефактов. Очень мало нуклеусов, все они небольших размеров и представляют финальную стадию расщепления. Необычно мал удельный вес предметов со следами галечной/желвачной корки на дорсальной поверхности – всего 9,8% от общего количества сколов, тогда как “нормальными” средними для ранневерхнепалеолитических комплексов Кара-Бомы считаются 13 – 17% сколов со следами корочной поверхности (интересно, что в среднепалеолитическом слое 2 доля таких сколов составляет 29,8%), т.е. нуклеусы участка прошли стадию декортификации где-то вне стоянки. В центральной части участка вокруг очага зафиксировано “аномально” высокая для комплекса частота встречаемости скребков, ретушированных пластин и неретушированных крупных пластин со следами утилизационной ретуши на фоне низкого удельного веса нуклеусов и отходов первичного расщепления. Очевидно, вскрытый участок отражает интенсивную разделку охотничьей добычи и обработку шкур животных, происходившие вокруг очага. Первичное расщепление производилось в стороне от участка. Ранее нами уже выдвигалось предположение о том, что в начале верхнего палеолита стоянка Кара-Бом была связана с хозяйственной деятельностью коллектива, использовавшего преимущества окружающей местности [Деревянко и др., 1998; Рыбин, 2002]. Стоянка расположена в месте, откуда можно обозревать всю долину. В 300 м от стоянки горы образуют своеобразный полуцирк (см. рис. 2), через который проходит удобный путь в соседнюю безвод-

ную долину, по которому, возможно, двигались на водопой животные. Здесь можно было успешно охотиться. Именно в расчете на утилизацию охотничьей добычи на территорию очень выгодно расположенной стоянки (наличие источника, южная экспозиция, защита от ветров) с расстояния 4 – 5 км доставлялось каменное сырье*.

Исходя из результатов трасологического анализа артефактов индустрии Кара-Бомы, можно сделать вывод о стабильной деятельности, связанной в основном с первичной обработкой туш животных преимущественно ножами по мясу (в верхнепалеолитическом слое 5 их доля достигает 68,2% от всего инструментального набора). Среди всего набора ножей по мясу 78,3% составляют средне- и сильноизношенные. Особенности уровня обитания 5 – довольно высокий удельный вес скребков (25%), предназначенных для работы со шкурами [Волков, 1998]. Вместе с тем, характер сохранности костей на стоянке, многие из которых представлены мелкими фрагментами со следами воздействия огня, позволяет предположить, что часть добычи употребляли в пищу непосредственно на стоянке.

Возможно, с охотничьей деятельностью человека был связан и культовый комплекс предметов, обнаруженный в кв. Л/8. Такая интерпретация основана на следующих фактах: комплекс расположен на периферии слоя, не относящейся к производственным структурам; количество каменных артефактов на этом участке очень невелико. Сколы с расщепленного нуклеуса не уносили куда-либо в сторону, они находятся в пределах 1 м от места расщепления. Украшения концентрируются в небольшом овальном углублении (перепад глубин составляет около 10 см). Комплекс можно характеризовать как замкнутый. Вместе с гетитом обнаружена галька, определенная как предмет, связанный с растиранием минерального вещества и мягкого органического материала, т.е. производством краски. Галька привлекла людей, вероятно, не только удобством формы, но и необычной полосатой окраской. Подвески № 1 и 2 сломаны, возможно, с целью символического “умерщвления” предметов. При изготовлении подвески № 1 в качестве абразива, а быть может, красителя была использована охра. Сказанное позволяет предположить, что найденные в углублении предметы были связаны с символическим приношением или со своеобразным кладом. Эти вещи, являющиеся своего рода транспортируемым набором культового предназначения (краситель, терочник, украшения), могли находиться в мешочке, по каким-либо

* По заключению петрографа Н.А. Кулик, желвачная поверхность артефактов верхнепалеолитических слоев Кара-Бомы не сохранила следов длительного пребывания в русле какого-либо водотока. Следовательно, сырье доставлялось непосредственно с выходов эффузивов.

причинам оставленным на месте. С комплексом связана и подвеска № 3, найденная в 0,5 м от углубления. Не вполне ясно, чем являются параллельные нарезки – орнаментом или следами процесса изготовления украшения. Первая трактовка нам кажется более предпочтительной, поскольку не очевидна технологическая целесообразность этих насечек.

Украшения и символическая деятельность в раннем верхнем палеолите Южной Сибири

Сведения о предметах неутилитарного назначения, датированных эпохой палеолита в Южной Сибири, нашли отражение в многочисленных публикациях [Археология и палеоэкология..., 1990; Археология, геология..., 1998; Деревянко, 2001; Деревянко и др., 1998, 2000; Константинов, 1994; Васильев, Кузнецов, Мещерин, 1987; Лбова, 2000, 2002; Лбова, Волков, Базаров, 2002; Руденко, 1960; Ташак, 2000, 2002а, б; Goebel, Aksenov, 1995; Goebel, Waters, 2000]*. Однако они далеко не всегда позволяют получить полную информацию о стратиграфическом и планиграфическом определении украшений, их типологии и точном количестве; весьма противоречивы хронологические определения ряда памятников. Тем не менее по имеющимся источникам можно сделать ряд выводов. На территории Горного Алтая известно девять памятников, относящихся к раннему этапу верхнего палеолита. В археологических комплексах пяти из них были зафиксированы украшения. Наиболее многочисленная и разнообразная серия предметов неутилитарного назначения выявлена в слое 11 Денисовой пещеры (см. *таблицу*) [Археология, геология..., 1998; Деревянко, 2001]. Здесь вместе с индустрией начальной поры верхнего палеолита был обнаружен 31 предмет неутилитарного назначения. Эти находки могут быть отнесены к категории украшений**. Украшения представлены девятью подвесками из зубов животных с биконическим просверленной корневой частью (использовались клыки лисицы, клыки и резец оленя, резец бизона) (рис. 19, 5, 7, 11); восемью пронизками из трубчатых полых костей (рис. 19, 1, 3), некоторые из них орнаментированы кольцевыми нарезками; фрагментом кольца из бивня мамонта; фрагментами костей с биконическим просверленными отверстиями; тремя подвесками и двумя бусинами из камня (рис. 19, 8, 10, 13, 14). Вызывают

интерес два предмета, определенные как заготовки бусин (рис. 19, 4, 2). Один из них – небольшой фрагмент бивня мамонта с двумя просверленными отверстиями и перемычкой, вырезанной между ними. Типологически этот предмет близок к украшениям из бивня мамонта, обнаруженным в ориньякских слоях Па – Пв пещеры Гайсенклёстерле (Германия), датированных 36 – 32 тыс. л.н. [Hahn, 1996]. Такие удаленные аналогии, вряд ли свидетельствующие о какой-либо культурной близости, могут дать представление о культурно-хронологическом фоне, на котором появлялись такие специфические изделия. Отложения, перекрывающие слой 11 Денисовой пещеры, имеют AMS-дату по углю $29\,200 \pm 360$ л.н. (AA-35321) [Деревянко и др., 2000], для средней части слоя 11 получена открытая конвенциональная ^{14}C -дата по фрагментам костей > 37 тыс. л.н. [Археология, геология..., 1998]. Предметы неутилитарного назначения из слоя 11 создают впечатление очень развитого, сложившегося технологически и типологически комплекса персональных украшений с устоявшейся системой изготовления и обработки и стилистически выдержанными сериями предметов. Украшения из уровня обитания 5 Кара-Бомы, хотя в целом оформленные менее тщательно, чем изготовленные из резцов и клыков оленя и бизона, а также из кости, и подвески из слоя 11 Денисовой пещеры близки по облику (см. рис. 19, 5, 7, 11, 12). И на Кара-Боме, и в пещере применялся метод биконического сверления, для обработки выбирался один и тот же участок корневого основания зуба.

Среди находок из других памятников Горного Алтая украшения немногочисленны. В слое 9 стоянки Усть-Каракол обнаружен фрагмент каменного изделия из серпентина с биконическим отверстием [Археология, геология..., 1998] (см. рис. 19, 9). Тщательностью обработки выделяется подвеска из Малояломанской пещеры – клык благородного оленя с биконически просверленным отверстием был орнаментирован 11 параллельными насечками. В том же слое, где было обнаружено украшение, найден камень со следами охры на поверхности (рис. 20) [Археология и палеоэкология..., 1990]. Украшение практически идентично предмету из ямы в слое 11 Денисовой пещеры (ср. рис. 19, 6). Подвеска из Усть-Канской пещеры (рис. 21) [Руденко, 1960; Rudenko, 1961], как и предмет из Денисовой пещеры, имеет два отверстия и по краям орнаментирована насечками, поверхность ее пришлифована. Она также стилистически близка к украшениям, относящимся к ранней поре европейского ориньяка. Поскольку украшение было обнаружено С.И. Руденко в 1954 г. в ходе раскопок, проводившихся без учета стратиграфии, локализация артефакта в отложениях остается неясной; украшение отнесено к эпохе ранней поры верхнего палеолита условно, но, скорее всего, корректно.

* См. также: **Шуныхов М.В.** Археология и география палеолита...

** При описании украшений из слоя 11 Денисовой пещеры не учитывались предметы из двух ям, т.к. не исключена возможность, что они относятся к слою 9 [Археология, геология..., 1998].

**Украшения из палеолитических памятников Южной Сибири
и их культурный контекст**

Памятник	Слой	Дата по ¹⁴ C, л.н.	Культурная принадлежность	Функциональная интерпретация слоя	Наличие пигментов в слое	Тип украшений
<i>Горный Алтай</i>						
Кара-Бом	Уровень обитания 5	43 300 ± 1 600 (GX-17596)	Начальный этап РВП*, пластин- чатые индуст- рии	Сезонная охотничья стоянка	+	Костяные подвески (3 экз.)
Денисова пещера	Слой 11	> 37 235 (COAH-2504)	То же	Базовое поселение	—	Костяные подвески, бусины, пронизки, кость с признаками сверления, подвес- ки из камня (31 экз.)
Малояло- манская пещера	Слой 3	33 350 ± 1145 (COAH-2550)	РВП, пластин- чатые индуст- рии карабо- мовского типа	Кратковременный охотничий лагерь	+	Подвеска (зуб <i>Servidae</i>)
Усть- Каракол	Слой 9	33 400 ± 1 285 (COAH-3257) 29 860 ± 355 (COAH-3358)	РВП, пластин- чатые индуст- рии	Сезонная охотничья стоянка	—	Камень со следами биконического свер- ления
Усть- Канская	?	—	РВП(?)	То же	—	Подвеска из кости
<i>Забайкалье</i>						
Подзвон- кая	Восточный комплекс	22 675 ± 265 (COAH-3350) 38 900 ± 3 300 (AA-26741)	Начальный этап РВП, пластин- чатые индуст- рии	Базовое поселение	+	Подвески из скор- лупы яиц страуса (15 фрагментов и целых изделий), подвеска из камня и кости. Краситель на укра- шениях
	Юго- восточный	> 36 800 (AA-26742) 35 180 ± 1 100 (COAH-4122)				
	Нижний	43 900 ± 960 (COAH-4445)				
Хотык	Уровень 2	26 220 ± 550 (AA-3269)	РВП, пластин- чатые индустрии	Сезонная охотничья стоянка	+	Подвески из кости, камня, кольца, пронизки. Краситель на украшениях
	Уровень 3	—				
Каменка	Комплекс А	30 220 ± 270 (COAH-3354) 31 060 ± 530 (COAH-3052) 35 845 ± 695 (COAH-2904) 40 500 ± 3 800 (AA-26743)	То же	То же	+	Бусины-пронизки, целые и фрагменты (кости <i>Aves</i>), фрагмент диска (7 экз.), предметы с отверстиями и насечками. Краситель на украшениях
Толбага	Слой 4	34 860 ± 2 100 (COAH-1522) 27 210 ± 300 (COAH-1523) 29 200 ± 1 000 (AA-26740) 25 200 ± 260 (AA-8874)	РВП, пластин- чатые индуст- рии	Базовое поселение	—	Два предмета из кости с отверс- тиями
Варварина Гора	Уровень 2 (?)	29 895 ± 1 790 (COAH-3054) 30 600 ± 500 (COAH-850) 34 050 (AA-8875) 35 300 (AA-8893)	То же	То же	+	Бусина из камня, фрагмент диска из камня со следами красителя, шлифованное изделие из камня с биконическим отверстием

* РВП – ранний верхний палеолит.

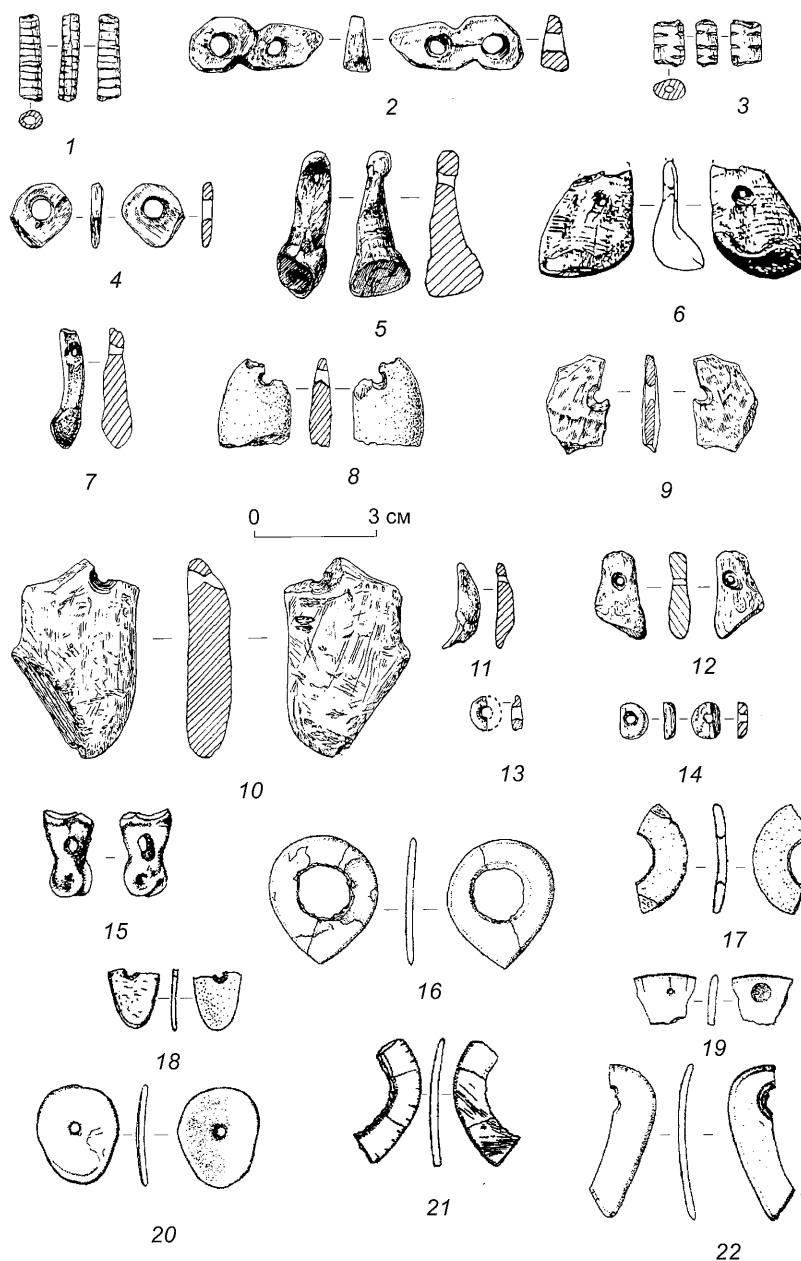

Рис. 19. Предметы неутилитарного назначения из ранневерхнепалеолитических комплексов Алтая и Забайкалья (по: [Археология, геология..., 1998; Ташак 2002а]).

1 – 8, 10 – 14 – Денисова пещера, слой 11; 9 – Усть-Каракол, слой 9; 15 – 22 – стоянка Подзвонкая. 1 – 7, 11, 12, 15 – кость, 8 – 10, 13, 14 – камень; 16 – 22 – скорлупа яиц страуса.

Итак, украшения на Горном Алтае появились 43 – 37 тыс. л.н., они связаны с пластинчатыми индустриями начальной стадии ранней поры верхнего палеолита, которые сформировались на основе местного варианта среднепалеолитической индустрии [Деревянко, 2001]. Наиболее разнообразный и многочисленный набор предметов неутилитарного назначения выявлен в слоях Денисовой пещеры, определяемой по своей функционально-хозяйственной специфике как базовое поселение. Остальные украшения были открыты

в контексте предполагаемых сезонных и кратковременных охотничьих стоянок, используемых с разной степенью интенсивности, как правило, для них характерно достаточно регулярное, но относительно непродолжительное пребывание здесь палеолитического человека [Деревянко, Шуньков, 2002]. Свидетельства использования природных пигментов фиксируются только на стоянке Кара-Бом и в Малояломанской пещере. Кара-Бом – единственный памятник, где украшения находились в прямой связи с хозяйственно-бытовым объектом в культурном слое.

Еще одним центром распространения индустрий ранней поры верхнего палеолита в Южной Сибири является Забайкалье. Изученные здесь многослойные стоянки датированы по радиоуглероду 40 – 26 тыс. л.н. В раннем верхнем палеолите Забайкалья выделяется две линии технологического развития – “отщеповая”, представленная такими памятниками, как Куналей и Каменка Б, и “пластинчатая”, очень близкая по своим основным чертам к алтайским технокомплексам [Константинов, 1994; Лбова, 2000]. Вместе с тем “переходные” индустрии в прямом значении этого слова в Забайкалье пока не выявлены, “пластинчатые” индустрии являются уже чисто верхнепалеолитическими технокомплексами. Именно со слоями стоянок, содержащих индустрии этого типа, и связаны украшения. В регионе, вероятно древнейшие, комплексы украшений зафиксированы в слоях поселения Подзвон-

кая [Ташак, 2000, 2002а, б]. Площадь памятника составляет несколько тысяч квадратных метров, при раскопках вскрыто несколько планиграфически и стратиграфически обособленных участков. Исследование памятника до сих пор продолжается, и скудные опубликованные данные недостаточны для полного освещения сложной стратиграфической и планиграфической ситуации объекта, связанного со склоновыми отложениями и явными следами геологической перемещенности некоторых слоев. Наиболее древним участком памятника

Рис. 20. Подвеска. Малояломанская пещера.

Рис. 21. Подвеска. Усть-Канская пещера.
Фото А.В. Постнова.

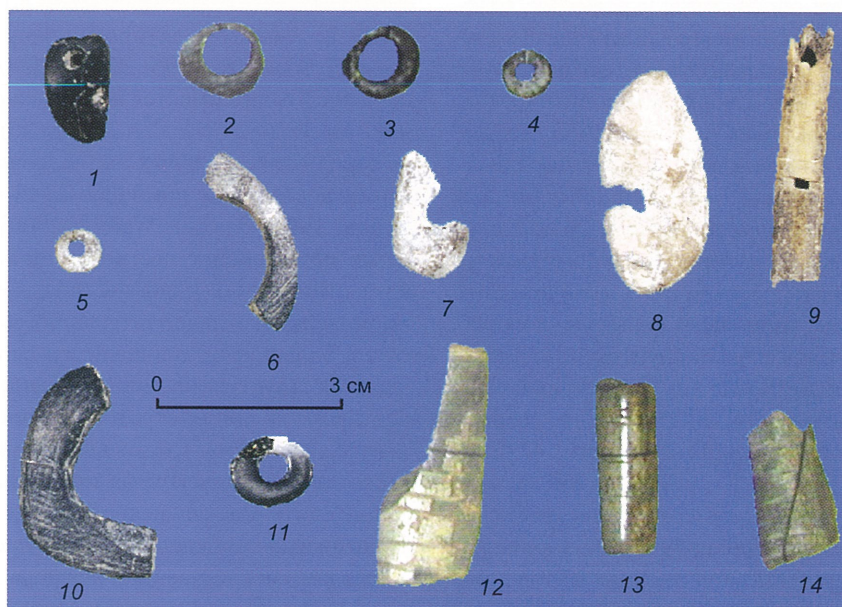

Рис. 22. Предметы неутилитарного назначения из ранневерхнепалеолитических комплексов Забайкалья. Фото Л.В. Лбовой.
1, 5 – 11 – Хотык; 2 – 4, 12 – 14 – Каменка.

является т.н. Нижний комплекс. Хотя слои его подверглись переотложению и частичному размыву, по кости (находящейся в одном слое с костными останками и артефактами железного века) была получена конвенциональная радиоуглеродная дата – около 44 тыс. л.н. [Ташак, 2002б]. В этом слое обнаружена подвеска из скорлупы страуса (см. рис. 19, 15), в нем также фиксируются следы охры*. Основная часть украшений относится к восточным и юго-восточным комплексам, имеющим ^{14}C -определения от 38 до 35 тыс. л.н. [Та-

* Устное сообщение В.Н. Ташака.

шак, 2000]. В раскопах этих комплексов были обнаружены 14 подвесок (целые и фрагментированные) (см. рис. 19, 16 – 22) из скорлупы яиц страуса, подвеска из камня и просверленная фаланга животного (см. рис. 19, 15). Все предметы были перфорированы методом одностороннего конического сверления; подвески из скорлупы на краях имеют следы шлифовки и резания. Около трети украшений, некоторые из них были найдены возле очагов* (см., напр., рис. 19, 21), сохранили следы охры.

* Устное сообщение В.Н. Ташака.

Другим памятником, материалы которого содержат многочисленные предметы неутилитарного назначения, является комплекс Каменка А. Радиоуглеродные даты концентрируются вокруг двух хронологических интервалов – ок. 31 тыс. л.н. и 40 – 35 тыс. л.н. [Лбова, 2002]. По функции памятник определяется как сезонная охотничья стоянка. В Каменке А найдено 37 предметов неутилитарного назначения (рис. 22, 2 – 4, 12 – 14) [Лбова, 2000]. Украшения представлены полыми бусинами-пронизками из полых трубчатых костей птиц, некоторые из которых орнаментированы параллельными насечками; фрагментом браслета (?) из кости мамонта; четырьмя фрагментами кости с нарезками или отверстиями, один из них имеет следы охры на поверхности. Часть предметов неутилитарного назначения сосредоточивалась в двух скоплениях [Там же, с. 46].

Еще одним забайкальским памятником, при раскопках которого были обнаружены украшения, является стоянка Хотык. Индустриальный комплекс культурных уровней 2 – 4 этого памятника демонстрирует очень большую близость к верхнепалеолитическим технокомплексам Кара-Бомы. К сожалению, до сих пор нет достоверного хронологического определения для культурных уровней 3 – 5 стоянки Хотык. Для слоя 2 установлена радиоуглеродная дата 26 тыс. л.н., нижележащие отложения датированы с помощью не конкретизированного в публикациях о забайкальских стоянках РТЛ-метода, имеющего большую погрешность и давшего разброс значений в несколько десятков тысяч лет – от 56 до 28 тыс. л.н. (культурный слой 2); слой 3 имеет даты от 34 до 26 тыс. л.н. (первая дата опубликованного разреза [Там же, рис. 4] отнесена к культурному уровню 3, в табл. 16 в той же публикации она уже помещена в список дат для уровня 2). Непосредственно следующий за уровнем 3 культурный слой 4 уже имеет РТЛ-даты от 91 до 65 тыс. л.н. Однако, как отмечает сам автор раскопок, наиболее вероятная дата слоя 3 и, видимо, 4 – от 40 до 30 тыс. л.н. [Лбова, 2002]. По своей хозяйственной специфике Хотык, как и Каменка А, относится к сезонным охотничьим стоянкам, около 3/4 минимального количества особей животных (MNI) составляют дзереи *Procarpa gutturosa* и лошадь *Equus caballus*, сообщается, что особи представлены в основном самками и молодыми животными [Лбова, 1999; Клементьев, 2001]. В отложениях, связанных с культурными горизонтами 2 и 3, были обнаружены украшения – подвески из кости, бусины-пронизки, диски (сведения о их количестве и распределении по слоям отсутствуют). На уровне 3 предметы неутилитарного назначения были приурочены к участку, насыщенному “разнообразными по оттенку пятнами зеленого, красного, белого, черного, желтого цветов” [Лбова, 2000, с. 107; Лбова, Волков, Базаров, 2002].

В этом скоплении было обнаружено семь предметов утилитарного назначения (рис. 22, 1, 5 – 11), в т.ч. подвески овальной формы из шлифованных галечек, бусины округлой формы с отверстием в центре, фрагменты крупных изделий из камня округлой и подтреугольной формы с крупными отверстиями, “напоминающими неолитические кольца” [Лбова, Волков, Базаров, 2002].

В остальных забайкальских памятниках украшения представлены единичными экземплярами. На расположенном неподалеку от стоянки Хотык памятнике Варварина Гора в ходе раскопок А.П. Окладникова в 1973 – 1974 гг. было обнаружено несколько предметов неутилитарного назначения – бусина-колечко из камня, полудиск из камня со следами охры на поверхности, изделие из белого камня с биконическим отверстием [Окладников, Кириллов, 1980; Лбова, 2000]. Их стратиграфическое положение не совсем ясно, но скорее всего, находки относятся к горизонту 2 залегания артефактов, датированному ок. 34 тыс. л.н. [Goebel, Aksenov, 1995; Лбова, 2000]. Для слоя 4 поселения Толбага имеется несколько радиоуглеродных дат – от 35 до 25 тыс. л.н., среди которых преобладает серия более молодых дат, включающая два недавних определения с помощью AMS-метода [Константинов, 1994; Goebel, Waters, 2000]. Расхождения в датах могут свидетельствовать либо о том, что Толбага относится к наиболее позднему этапу ранней поры верхнего палеолита, либо о том, что слой 4, очень большой по площади, со сложными поселенческими структурами, многочисленным каменным инвентарем, является стратиграфически нерасчлененным палимпсестом следов неоднократных посещений этого места человеком на протяжении долгого времени. Учитывая эти предположения, трудно дать хронологическое определение двум предметам из кости со следами искусственной перфорации, найденным в слое 4 [Васильев, Кузнецов, Мещерин, 1987].

Из этого обзора данных, касающихся украшений в забайкальских памятниках ранней поры верхнего палеолита, следует, что ни один комплекс, включающий предметы неутилитарного назначения, пока не может быть датирован древнее 40 тыс. л.н. Появление украшений фиксируется уже в самых ранних пластинчатых индустриях, которые представляют собой уже сложившийся комплекс артефактов. Это свидетельствует о социальной и духовной развитости человеческих коллективов, появившихся на этой территории. Обитатели Забайкалья, изготовлявшие украшения, использовали значительно более разнообразные материалы для поделок, чем носители древних культур в Горном Алтае. “Забайкальцы” владели разнообразными приемами обработки сырья, могли пилить, сверлить (в отличие от обитателей Алтая делали не только биконические отверстия), шлифовать не

только кость и камень, но и такой “экзотический” материал, как скорлупа страусиных яиц. Практически все украшения были найдены в слоях памятников, которые определяются как базовые поселения или интенсивно и продолжительное время используемые охотничьи стоянки со структурно выраженными поселенческими объектами – жилищами, хозяйственными ямами, очагами (по крайней мере, так их интерпретируют исследователи памятников).

На забайкальских памятниках более явно, чем на алтайских, выражена приуроченность украшений к таким структурным элементам, как очаги (Подзвонка); находки в слоях некоторых памятников (Каменка, Хотык) найдены на небольшом удалении друг от друга. Очень важно, что на четырех из пяти забайкальских памятников в слое обнаружены следы пигмента и часть украшений из этих комплексов сохранила на своей поверхности следы красителя. Подобные особенности характерны для символического комплекса из уровня обитания 5 стоянки Кара-Бом.

Картины, реконструируемые для Забайкалья и Алтая, бесспорно, различаются, причины этого не только в несколько более раннем начале раннего верхнего палеолита на Алтае и отсутствии переходных индустрий в Забайкалье. Вероятно, сыграла роль и разница в поведенческих стратегиях. На Алтае как в среднем, так и в раннем верхнем палеолите человеческие популяции эксплуатировали ограниченные микрорегионы. На это указывает, в частности, преимущественное использование местного каменного сырья, независимо от его качества. Такая система мобильности может объясняться адаптацией древнего человека к разнообразным ландшафтам низкогорий, которые позволяли обеспечивать жизнедеятельность коллективов, не требуя продолжительных передвижений. Жизнь в условиях замкнутых долин и межгорных депрессий с их предсказуемыми ресурсами и высокой плотностью биомассы не требовала высокой мобильности населения. Судя по составу ископаемой фауны на алтайских памятниках, древние обитатели региона не имели предпочтений в выборе видов животных для охоты. Некоторое увеличение эксплуатируемой территории в раннем верхнем палеолите (свидетельства sporadической транспортировки сырья из мест, удаленных на 60 – 80 км, на Кара-Боме и в Денисовой пещере [Постнов, Аношкин, Кулик, 2000; Рыбин, 2002]) и возрастание количества стоянок, относящихся к этому периоду, возможно, было вызвано увеличением плотности населения и развитием социальных связей между различными коллективами, о чем свидетельствует почти повсеместное появление социально-значимых персональных украшений. Забайкальские комплексы позволяют предположить специализацию поселений: были сезонные охотничьи лагеря и большие базовые поселения с четко выраженными поселенчес-

кими структурами, что, вероятно, являлось ответом мигрирующих популяций на более суровые и менее разнообразные и предсказуемые, чем на Алтае, условия окружающей среды, требующие больших усилий по обеспечению жизнедеятельности. Зафиксированные в Забайкалье индустрии, основанные практически целиком на принесенном откуда-то сырье, которое доставлялось с расстояния ок. 40 км (Каменка, Варварина Гора) [Лбова, 2000, с. 80], свидетельствуют о значительном расширении освоенных территорий. На стоянках Западного Забайкалья обнаружены останки животных только степных и горно-степных видов. Имеются данные о специализации охотничьей деятельности на стадных млекопитающих. Возможно, подобный феномен основан на приспособлении человека к более открытым остепненным аридным ландшафтам.

Заключение

Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае и в западной части Евразии происходил примерно в одно и то же время и имел схожий характер изменений в технологии (см. материалы дискуссии в номерах этого журнала за 2001, 2002 гг.). Как же соотносятся формы проявления символизма в этих центрах возникновения верхнего палеолита, или иначе, как выглядит комплекс алтайского символического поведения в стадиальном, кроссконтинентальном евразийском контексте?

На Ближнем Востоке древнейшие предметы неутилитарного назначения были обнаружены в пещерах Учагизли и Кзар-Акил [Kuhn et al., 2001]. В слоях G и H пещеры Учагизли (Турция), для которых имеются четыре радиоуглеродных определения в пределах 41 – 39 тыс. л.н., в ассоциации с индустриями начальной поры раннего верхнего палеолита было обнаружено большое количество бусин и подвесок, изготовленных из раковин морских моллюсков. Подобные изделия зафиксированы в слое 21 пещеры Кзар-Акил (дата – ок. 43 тыс. л.н.) в Юго-Восточной Европе. В слое 11 пещеры Бачо-Киро (Болгария) (его конвенциональная радиоуглеродная дата – > 43 тыс. л.н. [Excavation..., 1982], серия AMS-дат – от 38 до 33 тыс. л.н. [Hedges et al., 1994]), содержащем переходную “протоориньякскую” индустрию, были обнаружены две подвески из просверленных зубов волка и лисицы [Excavation..., 1982]. Многочисленный набор предметов неутилитарного назначения, включающий просверленные клыки песка, подвески из камня и т.д. (всего ок. 50 предметов), собран в Костенках-17, слое II, датированном около 36 тыс. л.н. [Синицын и др., 1997]. Острейшую дискуссию вызвали найденные в слоях VIII – X грота Дю Ренн в пещерном комплексе Арси-Сюр-Кюр (Франция) украшения, имеющие серию дат

от 45 до 32 тыс. л.н. В этих комплексах в шатльперронских слоях в ассоциации с костными останками неандертальца находились подвески, бусины, кольца из бивня мамонта [D'Errico et al., 1998; Zilhro, d'Errico, 1999; Mellars, 1999]. Ядром дискуссии стали вопросы: могла ли у неандертальцев независимо от человека современного типа сформироваться способность к символической деятельности и не с неандертальцами ли как носителями шатльперронской и подобной ей индустрий связано появление верхнего палеолита в Европе? Участники дискуссии пришли к общему мнению, что появление мобильного искусства и символического поведения в Европе было результатом взаимодействия представителей двух антропологических типов, возникшей в связи с этим потребности в самоидентификации индивидов и социальных коллективов и дальнейшего усложнения социальной жизни. Этот вывод очень важен, ибо вопрос о том, кто являлся носителем культур начальной поры верхнего палеолита и, соответственно, кто ответственен за создание первых опытов символического поведения на этой территории, по крайней мере для территории Южной Сибири, остается открытым.

Зубы, найденные в среднепалеолитических комплексах алтайских пещер Денисовой и Окладникова, являются единственным палеоантропологическим материалом, который в какой-то мере может пролить свет на “авторство” носителей ранних вариантов верхнепалеолитической культуры в Центральной Азии [Шпакова, Деревянко, 2000; Деревянко, 2001; Шпакова, 2001]. По метрическим параметрам были соотнесены одонтологические образцы из пещер Алтая и представителей ранних *Homo Sapiens Sapiens*. Интересно, что одонтоскопические и одонтоглифические особенности показывают смешение признаков “западных” и “восточных” одонтологических стволов даже на древнейших образцах зубов. Реконструированная последовательность развития индустрий Горного Алтая свидетельствует о формировании верхнего палеолита на основе местного среднего палеолита, а антропологические данные с большой долей вероятности позволяют предположить генетическую преемственность населения региона на протяжении этих эпох.

Хотя появление символизма имманентно не связано с верхним палеолитом (например, геометрические узоры на кусках охры из пещеры Бломбос (Южная Африка) были обнаружены в среднепалеолитическом комплексе, предположительно созданном человеком современного типа около 77 тыс. л.н. [Henshilwood et al., 2002]), подлинно “современное поведение” является комплексным феноменом. На стоянке Кара-Бом в едином комплексе было обнаружено четыре проявления “современного пове-

дения”: 1) продуманная система мобильности и доставки сырья, предусматривавшая функционирование стоянки в расчете на утилизацию охотничьей добычи, 2) четко структурированное жилое и производственное пространство, 3) применение верхнепалеолитической технологии призматического ядрища и 4) символическая деятельность. Зафиксированные здесь признаки культового действия, предполагающего существование мобильного набора артефактов и его применение в осмысленном акте приношения/хранения, уникальны для столь ранней фазы верхнего палеолита Южной Сибири. Очевидно, усложнение социальной структуры человеческих коллективов, обусловленное неясными пока причинами (взаимодействие с мигрирующими популяциями, экологический или демографический стресс), вызвало взрывообразное появление уже полностью сформированной новой культурной системы. Как показал анализ, появление символизма в Южной Сибири происходило в то же самое время, что и в остальной палеолитической ойкумене, и связано со стоянками, в слоях которых представлены пластинчатые переходные индустрии, что подчеркивает удивительный параллелизм процессов перехода от среднего к верхнему палеолиту 50 – 40 тыс. л.н. в “оси изменений” Центральная Азия – Ближний Восток – Центральная и Западная Европа.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность коллегам, помогавшим и консультировавшим при подготовке и написании статьи: С.К. Васильеву, П.В. Волкову, А.И. Кривошапкину, Н.А. Кулик, А.В. Постнову, В.С. Славинскому, В.И. Ташаку, М.В. Шунькову. Отдельно хочется поблагодарить А.В. Абдульманову за прекрасные рисунки и Л.В. Лбову, любезно предоставившую фотографии своих находок.

Список литературы

- Агаджанян А.К. Пространственная структура позднелайстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 2 – 19.
- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачева, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 161 с.

- Васильев С.Г., Кузнецов О.Г., Мешерин М.Н.** Поселение Толбага (новый этап исследований) // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. пед. ин-та, 1987. – С. 109 – 121.
- Волков П.В.** Функциональный анализ инструментария стоянки Кара-Бом // А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. Палеолитические комплексы стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 263 – 271.
- Дергачева М.И., Феденева И.Н.** Изменение условий почвообразования и почвенного покрова на протяжении позднего плейстоцена в долине р. Урсул (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 2 – 10.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 103.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П.** Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33 – 52.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Аношкин А.А., Ульянов В.А.** Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 93 – 98.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16 – 42.
- Клементьев А.М.** О возможном промысловом значении дзерена в палеолите Западного Забайкалья // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 171 – 176.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН; Чита: Изд-во Чит. пед. ин-та, 1994. – 180 с.
- Лбова Л.В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В.** К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 59 – 75.
- Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А.** Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье) // История и культура востока Азии: Материалы международной научной конференции. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 101 – 103.
- Маркин С.В.** Палеолит северо-запада Алтае-Саянской горной области: Дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. – Новосибирск, 1996. – 58 с.
- Окладников А.П.** Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года) // Палеолит Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 5 – 20.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Николаев С.В.** Геология и палеогеография межгорных котловин Горного Алтая // А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. Палеолитические комплексы стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 185 – 221.
- Постнов А.В., Аношкин А.А., Кулик Н.А.** Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 18 – 30.
- Розанов Ю.А., Толстихина К.И.** Природные минеральные пигменты РСФСР. – М.: Наука, 1947. – 172 с.
- Рыбин Е.П.** Вариант леваллуазской технологии расщепления камня в мустьерских комплексах стоянки Кара-Бом // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 265 – 274.
- Рыбин Е.П.** Поведенческие стратегии и системы мобильности древнего человека на рубеже среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 183 – 188.
- Руденко С.И.** Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА. – 1960. – № 79. – С. 104 – 125.
- Симонов Ю.Г., Малаева Е.М., Куликов С.А.** Палинология, закономерности динамики палеорастительности и возрастные рамки палеоклиматических фаз по разрезу многослойной стоянки Кара-Бом // А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. Палеолитические комплексы стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 256 – 260.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д.** Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – С. 21 – 66.
- Ташак В.И.** Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонка и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 1: Археология. Этнология: Материалы Междунар. науч. конф. – С. 25 – 29.
- Ташак В.И.** Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002а. – Т. 2. – С. 159 – 164.
- Ташак В.И.** Подзвонка: палеолитические материалы Нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002б. – С. 25 – 33.
- Шпакова Е.Г.** Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64 – 76.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.
- Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V., Petrin V.T., Otte M., Sekiya A.** Paleolithic of the Altai. – Brussels: Richard Liu Foundation, European Institute of Chinese Studies, 2001. – 311 p.

D'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neandertal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation // *Current Anthropology*. – 1998. – Vol. 39. – P. 1 – 44.

Excavation in the Bacho Kiro Cave, Bulgaria / Ed. J. Kozłowski. – Warsaw: Wyd-wo Naukowe, 1982. – 172 p.

Kuhn S., Stiner M.C., Reese D., Güleş E. Ornaments in the Earliest Upper Paleolithic: New Perspectives from the Levant // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2001. – N 8 (13). – P. 7641 – 7646.

Lbova L.V. The palaeoecological model of the Upper Palaeolithic site Kamenka (Buryatia-Siberia) // *Sbor. Geol. Ved, Antropozoikum*, 23, Praha. – 1999. – P. 181 – 191.

Mellars P. The Neanderthal problem continued // *Current Anthropology*. – 1999. – Vol. 40. – P. 341 – 350.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Kara-Bom // *Current Anthropology*. – 1993. – Vol. 34. – P. 452 – 458.

Goebel T., Aksenov M. Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Palaeolithic in southeast Siberia // *Antiquity*. – 1995. – Vol. 69. – P. 349 – 357.

Goebel T., Waters M.R. New AMS ^{14}C Ages for the Tolbaga Upper Paleolithic Site, Transbaikalia, Siberia // *Current Research in the Pleistocene*. – 2000. – N 17. – P. 32 – 33.

Hahn J. Le Paléolithique Supérieur en Allemagne Méridionale (1991 – 1995) // *Le Paléolithique supérieur européen. Bilan quinquennal, 1991 – 1996. ERAUL*. – 1996. – Vol. 76. – P. 181 – 186.

Hedges R.E.M., Housley R.A., Bronk Ramsey C., van Klinken G.J. Radiocarbon dates from the Oxford AMS system: archaeometry datelist 18. *Archaeometry*. – 1994. – Vol. 36. – P. 337 – 374.

Henshilwood C., d'Errico F., Yates R., Jacobs Z., Tribolo C., Duller G., Mercier N., Sealy J., Valladas H., Watts I., Wintle A. Emergence of Modern Human Behavior: Middle Stone Age Engravings from South Africa // *Science*. – 2002. – Vol. 295. – P. 1278 – 1280.

Riel-Salvatore J., Clark G. Grave Markers: Middle and Early Upper Paleolithic Burials and the Use of Chronotypology in Contemporary Paleolithic Research // *Current Anthropology*. – 2001. – Vol. 42. – P. 449 – 480.

Rudenko S.I. The Ust'-Kanskaia palaeolithic cave site, Siberia // *American Antiquity*. – 1961. – Vol. 27. – P. 203 – 215.

The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Ed. A.P. Derev'anko, D.B. Shimkin, R. Powers. – Urbana: University of Illinois Press. – 1998. – 406 p.

White R. Production Complexity and Standardization in Early Aurignacian Bead and Pendant Manufacture: Evolutionary Implications // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – P. 336 – 390.

White R. A social and technological view of Aurignacian and Castelperronian personal ornaments in SW Europe // *El origen del hombre moderno en el suroeste de Europa*. – Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1993. – P. 327 – 357.

Zilhão J., d'Errico F. The Chronology and Taphonomy of the Earliest Aurignacian and its Implications for the Understanding of Neandertal Extinction // *Journal of World Prehistory*. – 1999. – Vol. 13. – P. 1 – 68.

Материал поступил в редколлегию 21.03.03 г.